ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ
ТИМ
СЕВЕРИН
САКСОНЕЦ
МЕЧ РОЛАНДА

Саксонец

Тим Северин

Меч Роланда

«Эксмо»
2012

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

Северин Т.

Меч Роланда / Т. Северин — «Эксмо», 2012 — (Саксонец)

Саксонский королевич Зигвульф потерял на войне семью, владения, богатства – все, кроме благородного имени и самой жизни. Его победитель, король англов, отправляет пленника франкскому королю Карлу Великому в качестве посла, а вернее, благородного заложника. При дворе величайшего из владык Западного мира, правителя, само имя которого стало синонимом власти, Зигвульфа ждут любовь и коварство, ученые беседы и кровавые битвы. И дружба с храбрейшим из воинов, какого только носила земля. Человеком, чьи славные подвиги, безрассудную отвагу и страшную гибель Зигвульф воспоет, сложив легендарную «Песнь о Роланде»…

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

© Северин Т., 2012
© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог 6
Глава 1 8
Глава 2 13
Глава 3 19
Глава 4 25
Глава 5 33
Глава 6 42
Глава 7 47
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Тим Северин
Меч Роланда

Tim Severin
SAXON: THE BOOK OF DREAMS
Copyright © Tim Severin, 2012

© Кононов М. В., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Пролог

Ахен, Франкия, 780 г.

Израненный Роланд, чувствуя приближение смерти, двинулся к огромной мраморной глыбе и, подняв Дюрандаль, изо всей силы ударил по камню. Брызнули искры, и на камне осталась зарубка, но Дюрандаль не сломался.

Три раза ударял он по камню, но клинок так и остался цел.

Стеная, Роланд лег ничком на траву, уронив рядом меч и рог, и приготовился отдать Богу душу.

Я кладу перо и жду, когда высохнут чернила. Приятно видеть, что буквы ровны и аккуратны. Я учился каллиграфии под критическим взором людей, убедивших короля, что такой почерк должен стать образцом для всего королевства. Выпрямившись на табурете, даю отдохнуть занемевшей спине и стараюсь не обращать внимания на бессвязное бормотание справа. Ирландский священник рядом, краснощекий и плешивый, имеет неприятную привычку разговаривать за столом сам с собою. Сейчас середина января, королевскую канцелярию в Ахене наполняют сквозняки, и каждые несколько минут он вытирает сопли рукавом своей рясы. Священник записывает, что видел и слышал при дворе, и уже признался мне, что пишет биографию нашего господина и хозяина.

– Я назову ее «Житие короля Карла», – сказал он на латыни, но с мелодичным акцентом, характерным для жителей его острова.

«Скучное название для такой красочной темы», – подумал я, но ограничился вопросом, почему он взялся за этот труд, когда писцам имперского секретариата платят за составление официальных документов.

– Дорогой мой Зигвульф, – ответил он, – мудрость древних говорит нам, что когда умирает великий человек, история его деяний заслуживает большего, чем просто плесневеть

в архивах. Жизнь великих должна быть запечатлена в классической прозе, бессмертной и вдохновляющей.

«Интересно, насколько живой будет его проза», – думаю я, когда он, шмыгая носом, добавляет:

– Бог даст, мою книгу станут читать и перечитывать грядущие поколения. Это будет не какая-то причудливая байка, чтобы рассказывать у очага или напевать на простенький мотив, который быстро теряется из памяти.

Конечно, он заблуждается. Устные сказки могут оказаться живее написанных пером, и живут они не меньше записанных, как я знаю по своему опыту, а запоминаются бо́льшим числом людей.

Однако презрительное замечание священника заронило мне в голову мысль: написать историю о храбром благородном рыцаре, который был моим покровителем и другом. И к тому же спас мне жизнь. Этой историей я запечатлею яркую память о нем. Временами он бывал высокомерным, мстительным, упертым и жадным до богатств, и все же все признают, что его смерть стала трагической утратой. Мало кто знает, если вообще знает кто-нибудь, что я покинул друга в его смертный час. Вот почему эта книга, дань уважения рыцарю, начинается с того, что я упомянул о его смерти.

Я все еще скорблю по нему.

Глава 1

– Беги! Спасай свою жизнь, дурак! – кричал мужчина.

Он был моим телохранителем, потому что дал королю клятву, что будет защищать его сына. Он схватил меня за руку и отвернул от страшного зрелища, а потом с силой толкнул в спину. Чудом удалось не потерять равновесия. Вскоре он сам последовал своему совету и стремглав пронесся мимо, бросив щит и меч. Я тупо стоял на месте, в голове звенело от удара, наверное, камень из пращи попал в шлем. За спиной слышались крики и улюлюканье мерсийцев. Они сломали наш непрочный строй с первого наскока. Большинство наших солдат вышли на бой со своими саксами, хотя от того, как они сжимали их в руках, казалось, что они пришли подстригать кусты, а не использовать по прямому назначению это смертоносное оружие, от которого и произошло имя нашего народа – саксы. Другие пришли с палицами, дубинами и топорами для колки дров. Некоторые принесли луки с горсткой стрел, больше подходящие для охоты на некрупную дичь. Никто не подумал захватить запасные тетивы. Я заметил одного, вооруженного лишь цепом для молотьбы. Король не должен был посылать таких людей в бой.

Наш план был – остановить мерсийцев на гребне холма. Выстроившись в два ряда, плечом к плечу, мы издали воинственный клич и стали потрясать своим жалким оружием, больше для того, чтобы поднять собственный дух, чем бросая действительный вызов врагам. Стоял солнечный весенний день, и по долине скользили тени от облаков. Ветерок доносил соленый запах с моря и развевал знамя нашего рода с черными оленьими рогами на желтом поле. Отец двигался верхом вдоль боевого строя, но лишь пара воинов прокричали что-то бодрое. Стоило только сравнить его клячу с мощным конем мерсийского военачальника у подножия холма, чтобы понять разницу в силах. Мой дядя Кинерик и два брата занимали места в первой шеренге. Я же, как младший сын короля, расположился чуть позади. Моей обязанностью было руководить нашим жалким резервом – парой десятков пожилых крестьян и таким же количеством домашних рабов.

Единственным нашим преимуществом был склон холма. Мы полагали, что мерсийцы не рискнут спускаться по такому крутому склону, но они решились. На нас ринулась устрашающая масса топающих и улюлюкающих воинов, стуча тяжелыми железными мечами по обитым кожей щитам. Одержав уже дюжину побед над такими же незначительными королевствами, как у моего отца, и вдвое превосходя нас числом, они чувствовали себя уверенно.

Все еще ошеломленный, я обернулся и взглянул назад. Мерсийцы набросились на наших людей, подавляя любой намек на сопротивление. Кто-то из наших упал навзничь от удара щитом в лицо. Я видел, как поднимаются и опускаются мечи и древки копий, рубя и коля тех, кто проявлял малейшее намерение сражаться. Я узнал крестьянина, который приходил к нам на прошлой неделе заплатить десятину. Это был медлительный неуклюжий человек на полголовы выше окружающих, и на нем был железный шлем, как на мне. Бог знает, где он его раздобыл, но это ему не помогло. Какой-то мерсиец обманно замахнулся мечом в лицо, но потом опустил клинок и рубанул по ногам. Крестьянин рухнул на землю, как скошенная крапива. В отчаянии я высматривал отца. Нигде его не было видно. Наше знамя, обмотавшись вокруг древка, качалось туда-сюда, а через несколько секунд упало и скрылось из виду. Мимо пронеслась лошадь без всадника с обезумевшими от страха глазами. Я узнал ее – это был конь старшего брата, тот, наверное, тоже пал. Торжествующие крики врагов стали затихать, им требовалась передышка. Там и сям наши люди падали на колени и сцепляли руки, умоляя о пощаде. Резня утихла – не имело смысла рубить пленников, они скоро станут рабами.

Один мерсиец, коренастый воин в кожаном панцире, обшитом железными пластинами, заметил меня. Я стоял особняком, оглушенный ужасным зрелищем, и его бородатая рожа расплылась в алчной ухмылке. Должно быть, он увидел поблескиванье тонкой золотой гривны, которую я получил предыдущей зимой, когда мне пошел шестнадцатый год. Он не собирался делиться такой добычей с товарищами. Без единого слова мерсиец устремился в мою сторону. Я пришел в себя и бросился прочь без надежды на спасение, ибо не очень быстро бегал. Братья дразнили меня за медлительность и не брали играть в догонялки, зная, что мне с ними не сравняться. Теперь было то же самое. Я слышал за спиной топот ног по дерну, и он раздавался все ближе и громче. Вскоре мое сердце подобралось к самому горлу, а колени перестали слушаться. Слабо застегнутый шлем подскакивал на голове и сползал на глаза, так что в результате видно было лишь на ярд. Я бросил меч, но слишком поздно понял, что щит по-прежнему пристегнут к левой руке. Тщетно попытался стряхнуть его, но только потерял равновесие. Потом пробежал еще около пятидесяти ярдов, ощущая, что вот-вот стану добычей мерсийца. Доносилось его дыхание, враг торжествовал, предвкушая легкую победу.

Что-то твердое обрушилось на затылок. Я упал ничком на нагретую солнцем землю. К сладкому аромату истоптанной травы примешался запах пота и засаленной кожи, и мне на спину упало тяжелое тело. Воин прижал меня к земле коленями, шлем слетел и откатился. Он поднял за волосы мою голову, на одно ужасное мгновение показалось, что сейчас мерсиец отсечет ее. Но его рука резко толкнула меня лбом об землю. Стало нестерпимо больно. Я слабо попытался отползти, но рука мужчины крепко держала свою добычу. Он поднял голову и второй раз ударил ею о землю. На этот раз я не сопротивлялся и был рад тому, что сознание меркнет.

Уже больше месяца я знал, что так и будет.

* * *

Когда я пришел в себя, то по-прежнему лежал ничком. Руки были связаны сыромятным ремнем. Лицо упиралось в потрескавшуюся засохшую грязь. Жижа на щеке пахла куриным пометом. Застонав, я поднял голову, чтобы оглядеться. Было далеко за полдень, небо затянуло облаками, и я лежал во дворе перед домом короля, моим собственным домом. Во дворе собралась большая группа мерсийцев в боевом снаряжении. Они перешучивались, и, по очереди выходя вперед, каждый выбирал из кучи на земле какой-нибудь предмет добычи. Я увидел там свой шлем и с содроганием заметил длинный разукрашенный отцовский меч.

Мужчина средних лет с мощным торсом и широкими плечами справа от меня следил за дележом. Он сидел на высоком резном деревянном сиденье, троне побежденного короля. Должно быть, мерсийцы вытащили самое лучшее, что нашли из мебели, когда грабили дом. Его завитые волосы были смазаны маслом и искусно зачесаны наверх. Даже без короны, украшавшей его лоб на отчеканенных в его монетном дворе деньгах, я без труда узнал Оффу, короля Мерсии. Я снова опустил лицо в грязь и лежал, не шевелясь, собираясь с мыслями. Отцовский меч в куче добычи подтверждал, что отец погиб на поле боя. Братья, скорее всего, тоже мертвы. Моя золотая шейная гривна, конечно, исчезла. Я чувствовал кровоподтек вокруг шеи в том месте, где мерсиец сорвал ее. Наверняка он спрятал драгоценность в карман. Сперва хотелось выдать его, но я все же решил, что это ни к чему не приведет. Добыча победителя. Прошлой осенью Оффа отправил нашему королю послание с требованием признать его господство и платить дань. Тот отверг требование, Оффа воспользовался этим как поводом для вторжения. Наше маленькое разбитое королевство сначала будет разграблено, а потом или станет данником Мерсии, или будет непосредственно включено во владения Оффы, которые уже составляли изрядную часть Англии.

Недавно мне приснился пугающе реалистичный сон. Рогатый олень мирно пасся на заросшем сочной травой лугу. Из темного леса поодаль появился огромный бык, ведомый лисицей. Звери приближались к оленю. Тот слишком поздно поднял голову и не успел встретить незваного пришельца рогами. Бык набросился на него и забодал свою жертву насмерть, пока лисица подбадривала его лаем. Проснувшись в холодном поту, я понял, что кричал сам.

Грубые руки подняли меня на ноги и потащили к вражескому королю. Куча награбленного добра исчезла. Настала пора делить пленников.

Позади трона стояла группа хорошо одетых людей – королевские советники. Я был потрясен, с отвращением увидев среди них моего дядю Кинерика. Должно быть, он сдался сразу же, как только началось сражение, и тем спасся. Его взгляд, полный стыда и высокомерия, сказал все, что нужно было знать: теперь он служил Оффе.

– Это единственный оставшийся в живых сын, – произнес мой конвоир.

Правитель жесткими серыми глазами осмотрел меня с головы до ног. Он увидел тощего среднего роста юношу, взлохмаченного и грязного, в тунике и рейтузах, с желтыми волосами, падающими на измазанное куриным пометом лицо.

– Как твое имя? – спросил Оффа хриплым голосом, глотая гласные, что характерно для мерсийского диалекта.

– Зигвульф, мой господин.

Губы короля изогнулись в презрительной усмешке.

– Волк-победитель. Не очень соответствует.

Изменник-дядя вышел из ряда советников вперед.

– Это младший сын. Был другой…

Мерсийский король жестом руки приказал ему замолчать. Он уже обращался со своим новым вассалом так, как он того заслуживал.

– Ну, и что нам с тобой делать? – спросил Оффа.

Я потупился и ничего не сказал. Мы оба понимали, что разумным шагом было бы убить меня, чтобы со мной закончился королевский род. Я подозревал, что мой дядя сговорился с мерсийцами еще до их вторжения. Его жена – дальняя родственница Оффы. Брак должен был установить кровные узы, закрепить дружбу между соседствующими королевствами. В данном случае получилось наоборот. Возможно, кричащей лисицей и была его жена.

– Подойди ближе, парень. Дай взглянуть на твое лицо, – прогремел король.

Я приблизился и поднял голову, откинув со лба длинные волосы. Тут сквозь просвет в тучах выглянуло солнце и озарило двор, осветило меня, как раз в тот миг, когда я прямо взглянул в хмурое лицо человека, у которого хватало дерзости называть себя Rex Anglorum – королем англов.

Он едва заметно вздрогнул и сделал движение, как будто хотел перекреститься, но сдержал руку.

Я родился с темно-синими глазами. Это вполне обычно среди моего народа, и, как правило, через несколько месяцев после рождения они приобретают более светлый оттенок. Иногда глаза становятся серыми и очень редко карими. Но со мной получилось по-другому. Цвет правого глаза изменился, он постепенно стал зеленовато-карим, а левый побледнел до обычного светло-голубого. А с моим братом-близнецом – о нем я напишу позже – случилось обратное: его левый глаз изменил цвет, а правый остался тем же. Для многих в нашем сообществе это был знак дьявола, тем более что роды проходили тяжело, и мать умерла, едва мы появились на свет.

Не знаю, какую судьбу замыслил для меня король Оффа, но в то мгновение, когда увидел мои разные глаза, он передумал.

Я почувствовал неуверенность, когда он пытался придумать способ, как избавиться от меня. Оффа считал, что нанесение вреда тому, кто носит метку дьявола, навлечет на него беды от Нечистого.

И он обратился к моему дяде:

– Что известно об этом юноше?

– Любимчик своего отца, мой господин, – ответил тот с явной неприязнью ко мне. – Он был слишком драгоценен, его не послали на воспитание, как старших сыновей. Вместо того чтобы учить охотиться и воевать, его учили читать и писать.

– Значит, он не опасен? – приподнял брови Оффа.

– Я бы так не сказал, – поспешно ответил дядя. – Это скользкий тип, ему нельзя доверять. – Он изобразил льстивую улыбку, почтительную до отвратительности. – Может быть, Вашему Величеству следует выбрить ему тонзуру и заключить в монастырь.

Заключение нежелательной персоны в монастырь было эффективным способом убрать ее с глаз долой.

На лице правителя появилось задумчивое выражение.

– Каковы его привычки? – спросил он, словно интересовался выучкой и послушанием собаки, которую собирался купить.

– Он должен уметь вести себя с высокими особами, – неохотно признал дядя. – Воспитывался в королевском доме.

– Языки знаешь? – На этот раз вопрос адресовался лично мне.

– Только латынь, – промямлил я, еле ворочая пересохшим языком.

Какое-то время мужчина серьезно разглядывал меня.

– Помойте его и подыщите подходящую одежду, – наконец, объявил он. – В Мерсии ему найдется применение.

– Что же король решил? – послышался вопрос от одного из советников, седобородого старика.

Его подобострастный тон указывал, что вопрос был привычным, рассчитанным на то, чтобы дать Оффе возможность блеснуть мудростью.

– Парень отправится жить среди франков. Их король просил, чтобы из Мерсии прислали кого-нибудь в знак искренности наших добрых отношений. Если юноша образован и представителен, как заявляют, то произведет хорошее впечатление. Если его хорошо отскрести, он может даже оказаться недурным собой. И франки отстанут от нас.

Он был умнее, чем я считал. У правителей было принято посылать членов семьи жить при чужом дворе. Официально они считались гостями, и это был жест доверия и дружбы между королевствами, но на самом деле их держали как заложников. Они жили в новой стране до самой смерти, или их отзывали обратно. В случае войны между королевствами гостей, не раздумывая, убивали. Как единственный оставшийся в живых потомок благородного рода, я мог сойти за подходящий залог добрососедства с Мерсией, если мои франкские хозяева не станут разбираться с этим слишком тщательно. Если они обнаружат, что я вовсе не так важен, как им представили, то покончат со мной, что вполне устроит и Оффу.

Король снова обратился ко мне:

– Ты не вернешься, – прямо сказал он.

Не требовалось объяснять, что если вернусь, то поплачусь жизнью.

Я ничем не выдал своих чувств, но его решение вызвало во мне странное волнение. Я буду изгнанником без надежды на возвращение, скитальцем. Король не требовал моей верности, и потому у меня больше не было господина. Для многих в нашем тесно связанном сообществе это был бы страшный приговор. Для таких изгоев есть специальное название – я стану *winelas guma*, «человек без друзей», беззащитный, добыча любого, кто пожелает напасть и убить или поработить его. И все же, насколько помню, мне всегда хотелось отпра-

виться в чужие земли и увидеть, как живут другие. Возможно, я даже найду место, где буду чувствовать себя не таким чужим, и мои разные глаза перестанут пугать людей.

Двор франкского короля давал надежду, о какой я мог только мечтать. Даже наши неотесанные крестьяне слышали о Карле. Более десяти лет он правил огромной территорией Европы: от темных лесов за Рейном до залитых солнцем равнин Ломбардии на юге и до океана на западе. Ходили слухи, что когда-нибудь его коронуют первым императором Европы со времен Рима. Королевский двор, конечно, должен привлекать всевозможных экзотических и странных личностей. Возможно, я смешаюсь с ними, несмотря на свою необычную внешность.

– У тебя три дня на погребальные церемонии, – буркнул Оффа.

С уколом совести я осознал, что до сих пор думал только о себе. Мой отец и двое братьев гордились своим воинским происхождением. Они бы пожелали, чтобы я устроил им соответствующее погребение, а не оплакивал их смерть.

– У меня есть просьба, – сказал я.

Оффа недовольно поморщился. От грязного плененного юноши, которому он только что оставил жизнь, не ожидалось просьб.

– Что такое? – свирепо спросил король.

На мгновение я подумал, что он сейчас передумает и вместо изгнания прикажет меня казнить.

– Хочу, чтобы мой личный раб отправился со мной, – проговорил я.

И снова Оффа посмотрел на моего дядю.

– Невольник представляет какую-либо ценность?

– Вряд ли, мой господин, – ухмыляясь, ответил Кинерик. – Это слабоумный калека. Иноземец, едва способный связать два слова.

– Он присматривал за мной с самого раннего детства, – перебил его я. – Я в долгу перед ним.

– И передо мной, – холодно проговорил правитель. – Забери с собой своего захудалого раба, но это будет стоить тебе дня отсрочки. Послезавтра тебя отправят на побережье и посадят на первый же корабль, отбывающий во Францию.

Глава 2

Озрик, мой личный раб, раньше бывал на море. Отец купил его у бродячего торговца, который, должно быть, прослышал, что женщина, ухаживавшая за моим братом и мною, отказалась прикасаться к нам, заметив нечто странное в наших глазах. Другая домашняя прислуга была так же напугана.

– Из него выйдет хорошая нянька. Он тихий, ласковый и со своей хромой ногой вряд ли убежит, – говорил работорговец, показывая потрепанного худого мужчину лет тридцати с кожей цвета старых опавших листьев.

Несчастный, очевидно, попал в серьезную передрягу, так как его голова была постоянно склонена набок, а сломанная когда-то левая нога срослась криво.

– Откуда он? – спросил король.

Торговец пожал плечами.

– Я приобрел раба в западных землях, его дали вместе с парой крепких девчонок, пригодных для работы в шахте. Местные нашли его на прибрежных скалах, как полудохлую скумбрию. Наверное, спасся с какого-нибудь разбитого суденышка.

Отец, похоже, сомневался.

– Стоит приобрести такого живучего, – обхаживал покупателя работорговец. – Другой бы на его месте умер. Кроме того, он не понимает по-нашему, так что не подцепит какую-нибудь дикую мысль или слух.

Король дал себя уговорить. Он заплатил несколько монет и в шутку назвал нового раба Озриком – как враждебного королька в соседнем Уэссексе, кичащегося своей внешностью.

С годами невольник стал неотъемлемой молчаливой частью домашнего хозяйства. Он говорил так редко, что многие заходившие принимали его за немого. Однако, растя под его опекой, я узнал, что он втайне научился нашему языку. Оставаясь наедине со своими двумя подопечными, он разговаривал с нами, хотя произносил каждый раз лишь несколько слов. Став старше, я пришел к заключению, что он предпочитал оставаться замкнутым, запертым в своем искалеченном теле.

– После того что с тобой случилось, ты боишься моря? – спросил я Озрика, когда далеко на горизонте показалась голубая линия.

Мы шли пешком, поскольку Оффа не дал нам лошадей. Позади вне пределов слышимости тяжело шагали только двое вооруженных мерсийцев.

Озрик слегка покачал головой. Мы покинули село на рассвете двумя днями ранее. Там остались лежать в одной свежей могиле отец и два моих брата. Я поспешно похоронил их вместе с несколькими пустяковыми предметами, уцелевшими после мерсийского грабежа – кучкой поломанного и давно вышедшего из употребления оружия, дешевыми украшениями, глиняными кувшинами и чашками, да костями свиней, зарезанных для поминок. Придется им обойтись этим на пиру в загробной жизни. Единственной настоящей ценностью в могиле была лучшая отцовская охотничья собака – борзая с шелковистой темно-рыжей шерстью и нервным характером. Она в панике убежала от сражения и не стала добычей мерсийцев во время грабежа. Когда животное вернулось, ползя на брюхе по сырой земле и скуля в поисках хозяина, мы копали могилу. Я подманил собаку поближе, накинул на шею петлю и задушил, а потом осторожно уложил у ног отца. Он любил охоту. Теперь ему в загробной жизни составит компанию любимая борзая.

На тризне присутствовала лишь горстка наших людей. Они слишком боялись вызвать неудовольствие дяди. Теперь он стал хозяином, а их ежедневная тяжелая работа продолжалась, как раньше. Ни рабу, ни вольному крестьянину лучше было не злить его. Подати теперь станут тяжелее, так как король Оффа потребует свою долю.

С хромающим рядом Озриком я добрался по проторенной дороге до бухты среди скал, где стояли торговые корабли. На мокром песке у самой воды, неуклюже повалившись на бок, лежало пузатое судно с высокими бортами. Сначала я подумал, что в нем что-то не так, и его вытащили на берег, но потом заметил полоску тины выше на берегу и понял, что море приливает и уходит обратно. Раньше я никогда не видел прилива.

Капитан судна поставил шатер на участке, где дорога спускалась к берегу. Это был плотного сложения человек, подпоясавший круглое пузо толстым кожаным ремнем. Он делал ножом зарубки на палке, считая тюки шерсти и шкур, которые отбирала команда. При нашем появлении мужчина обернулся и нахмурился.

– Чего надо? – буркнул моряк, и его глаза посмотрели на двух мерсийских стражников.

Он явно узнал людей короля Оффы. В его интересах было не задевать самого могущественного правителя на побережье, но ему не понравилось, что его отвлекли.

– Перевезти меня и моего раба, – сказал я, не поднимая подбородка.

Я давно научился такому трюку: мои длинные волосы падали вперед и скрывали один глаз.

– Куда? – грубо спросил он.

– В любой порт на материке. Мне нужно попасть во франкскую столицу. – Я попытался сделать вид, что двое мерсийцев были моим почетным эскортом, а не конвоирами.

– Я не беру пассажиров. – Капитан засунул большой палец себе за ремень и оглядел меня с головы до ног, оценивая платежеспособность.

Выданный Оффой наряд был далеко не роскошным. Моим единственным багажом была кожаная сумка и еще узел, который нес Озрик. В целом вид у меня был непрезентабельный.

– Я отправляюсь по приказу короля Оффы. Вот его документ, – важно проговорил я, вытаскивая из сумы пергамент – короткое письмо, написанное писцом Оффы и представляющее меня двору франкского короля.

Я рискнул предположить, что человек, пользующийся для подсчетов палкой с зарубками, не умеет читать.

– Мы можем заплатить за проезд, – любезно добавил я.

Управляющий с недовольным видом выдал нам несколько серебряных монет на дорожные расходы, и этих денег едва ли хватило бы покрыть затраты.

Капитан сделал шажок вперед, пытаясь украдкой заглянуть мне в сумку, нет ли там чего-нибудь ценного, пришлось быстро закрыть ее.

– Ладно. По четыре пенса с каждого, – проговорил он, подумав.

– Четыре пенса за двоих, – возразил я.

Моряк уставился на стражников. Те со скучающим видом оперлись на копья. Один ковырял в носу.

– Деньги вперед.

Я отсчитал монеты – конечно, Оффиной чеканки – и опустил в протянутую ладонь. Капитан рыгнул, кладя их в кошелек, который тут же сунул за пазуху.

– Отплываем с приливом. – Он кивнул в сторону Озрика, который молча стоял в нескольких шагах поодаль. – Твой раб может помочь грузить товар.

Меня возмутил его тон, и я отрезал:

– Он не будет этого делать.

Моряк бросил на меня такой наглый взгляд, что я потянулся за кинжалом, обычно висевшим на поясе, но вспомнил, что Оффа не доверил мне меча или ножа, чтобы я не попытался напасть на стражников и сбежать.

Капитан пожал плечами и, демонстративно повернувшись спиной, заорал на своих матросов, чтобы поторопились.

Когда *ког* – позже я узнал, что так правильно называть это суденышко – загрузили, уже стемнело. Я увидел, что оно начало приподниматься, покачиваясь на прибывающей воде. Капитан не обращал на нас внимания, и мы с Озриком зашли в воду, доходящую до бедра, и сами забрались на борт. Двое стражников позади, выполнив свою задачу, стали подниматься на дорогу. Несомненно, они доложат королю и моему дяде, что мы благополучно отплыли.

Моряки поднялись на борт и стали с натугой тянуть тяжелый мокрый канат, висевший за бортом. Должно быть, к нему был привязан якорь, брошенный на некотором удалении от берега. Ког несколько раз задел песчаное дно, а потом начал выходить на чистую воду. Когда он поплыл, вновь поднялась суета. Люди забегали туда-сюда, отвязывая, натягивая и вновь привязывая снасти, расправляя парус, прилаживая длинную деревянную рукоять к вальку свисавшего в воду массивного весла. Капитан орал и ругался, отдавая своим людям странные команды, значение которых оставалось для меня загадкой. Знакомым было примерно одно слово из пяти. Я наблюдал, пытаясь понять, что происходит. Меня то и дело отталкивали нетерпеливые матросы, чтобы не мешался на пути.

Наконец, большой парус хлопнул, наполняясь ветром под громкий стон мачты и звон натянувшихся снастей. Вдруг палуба накренилась, пришлось присесть, чтобы не упасть. Небо потемнело, и ветер усилился. Впереди не было видно ничего кроме серовато-синей воды с морщинами случайных волн. Меня уже подташнивало. Я забился в угол и боролся с поднимающейся паникой. В борт ударила волна, отчего корабль вздрогнул, и на лицо мне упало несколько брызг. Облизнув губы, я ощутил соленый вкус.

Я закрыл глаза, и передо мной возник неотвязный образ брата. Серовато-белое лицо с прилипшими к голове мокрыми волосами. Так он выглядел, когда я нашел его. Руки мальчика сжимали траву. За нее он, видимо, цеплялся, пытаясь выбраться на поверхность. Одну лодыжку обвивал толстый и скользкий корень лилии. Он обмотался вокруг ноги и держал брата, пока тот отчаянно пытался вдохнуть воздуха.

Это был всего лишь небольшой пруд. Летом над его поверхностью, как клубы дыма, вились тучи комаров и мошек. Зимой он замерзал, и скотники ломали лед, чтобы коровы могли попить. Пруд являлся частью нашей жизни, так же как овчарни и коровники, мы знали его с раннего детства. Начав ходить, мы делали куличики у кромки воды, а позже проверяли свою меткость, бросая камни в плывущие ветки. Неподвижная вода казалась такой черной, что невозможно было определить глубину. Никто и ничто не предупреждало нас об опасности.

Нам было шесть лет, и в тот день мы забрались на древнюю ольху. Стояла ранняя осень, на ветвях еще была темно-зеленая листва. Она скрывала, как далеко ольха нависла над прудом. Обычно Озрик был рядом, но тогда его свалил приступ вечно возвращающейся лихорадки и он остался в помещении для рабов. Мы с братом были одни, как вдруг сук под ним сломался. Мальчик удивленно вскрикнул и рухнул сквозь листву вниз, в воду. Я услышал громкий всплеск. Как можно скорее я слез на землю, обдирая руки и колени о кору, и побежал к краю пруда. Чернильная вода расходилась кругами и кружилась водоворотом, но брата видно не было. В ужасе я шагнул в воду, и тут же ноги увязли в засасывающей грязи, через два шага я был уже по пояс в воде. Я потерял опору и упал на спину, вода сомкнулась над головой. Ни брат, ни я не умели плавать, и меня охватила паника. Я развернулся и, на четвереньках выбравшись на безопасный берег, побежал домой за помощью.

Во всем поселении плавать умел лишь один человек – Озрик, – но и его способность была ограничена увечьем. Он снова и снова нырял, пока не нашел тело моего брата. Мы вытащили его и положили на берег. С одежды бедняги текла вода, и он был совсем обмякший. Его голова моталась из стороны в сторону, а изо рта и ноздрей сочилась розоватая пена. Брат выглядел маленьким и беспомощным. Я онемел от потрясения и боли, как будто оторвали половину моего существа. Не в силах смотреть, я отвернулся. На земле

рядом лежал сломанный ольховый сук, ставший причиной несчастья. Недавно обломившийся конец изменил цвет с кремово-белого на красновато-оранжевый. Как говорили деревенские старики, это предупреждение Природы, что ольха таит в себе зло.

* * *

Должно быть, от морской болезни я впал в забытье. Следующее, что я помню, – как кто-то разбудил меня сильным пинком по вытянутой ноге. Это случилось вскоре после рассвета унылым хмурым утром. Я по-прежнему сидел на палубе и чувствовал себя ужасно. Я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, во рту был отвратительный вкус. Наверное, меня стошнило. Я взглянул на капитана, который, злорадствуя, стоял надо мной.

– Тяжеловато тебе, красавчик? Это было еще ничего – всего лишь небольшая зыбь, – с ухмылкой сказал он. – Вставай! – И снова пнул меня, сильнее.

Свирепое выражение его лица заставило меня слабо ухватиться за перила. Шатаясь, я встал на ноги. Колени ослабели, едва удавалось удержать равновесие. От резкого спазма в кишках я отвернулся и схватился за борт. Перегнулся, закрыл глаза и стал вовсю блевать. Хотелось умереть.

Капитан оттащил меня сзади за воротник.

– Свяжите его, – раздался голос моряка. – Посмотрим, что у него в сумке. Потом выясним, какую цену за него дадут. Какая-нибудь высохшая старая дева может захотеть иметь юношу к услугам.

Я повернул лицо к своему мучителю в надежде, что, может быть, вид моих разных глаз удержит его. Но эта скотина ничего не заметила. Свет был слишком тусклый, чтобы цвета четко различались.

– Принеси кусок лески, – крикнул он одному из матросов, стоявшему в нескольких футах от нас.

Когда тот поспешил выполнить приказание, я увидел, как словно ниоткуда за головой капитана поднялась рука. Через мгновение она обхватила ему шею и рванула голову назад. Блеснуло что-то острое, и вдруг капитан замер на месте, потрясенно выкатив глаза. Теперь к его горлу чуть пониже правого уха был приставлен какой-то предмет. Брызнули ярко-красные капли, а потом на грязную ткань капитанской рубахи пролилась тонкая струйка крови.

Над плечом его показалось темное лицо Озрика. До сих пор никто не обращал на него никакого внимания. Должно быть, он подкрался оттуда, где провел ночь, и сжался, как смертоносный паук, за широкой спиной капитана.

Матрос, посланный за леской, шагнул было на помощь к капитану. Его движение вызвало болезненный вскрик и сдавленный приказ оставаться на месте. Течение крови по воротнику моряка чуть усилилось.

Я не представлял, откуда Озрик достал оружие. Это был, наверное, крошечный кинжал или заточка. Возможно, раб всегда носил его с собой. Моряки не побеспокоились обыскать калеку. Определенно они не ожидали, что он появится, чтобы защитить хозяина.

– Возьми у него оружие, – сказал Озрик.

Трясущейся рукой я снял нож с пояса капитана.

Тот снова издал болезненный вскрик, когда Озрик вонзил острие заточки чуть глубже.

В паре ярдов от нас собралась команда кога. Они пришли в себя после потрясения, когда увидели взятого в заложники капитана, и внимательно следили за нами, прикидывая, как его спасти. Я насчитал пять человек, и еще один был у деревянного бруса, направлявшего корабль. Один из пятерых сделал скрытный жест. Он давал какой-то знак рулевому, тот в ответ резко дернул брус. Большой парус у меня над головой громко хлопнул, и наклон палубы под ногами вдруг изменился. Я едва устоял. Но что бы ни задумали моряки, Озрик

предвидел это. Не ослабляя хватки, он выкрикнул какую-то команду и повернул острие клинка в шее капитана. Заложник снова завопил от боли и мучительно выгнул спину. Рулевой поспешно вернул свой рычаг в прежнее положение, и наклон палубы восстановился.

– Подтяни шлюпку, – сказал мне Озрик, кивнув в сторону кормы.

Я посмотрел в том направлении и увидел, что ког буксирует за собой открытую лодку. Меня так сильно тошнило, что я не заметил ее раньше.

Неверными шагами я подошел к веревке и начал подтягивать лодочку. Это оказалось на удивление тяжело, но от усилий мне стало гораздо лучше. Когда шлюпка оказалась под бортом кога, я закрепил веревку и стал ждать.

– Пошли! – велел невольник капитану, надавливая клинок.

Он заставил капитана осторожно двинуться вдоль борта, и они вдвоем присоединились ко мне.

– Режь! – сказал Озрик, кивнув на канат толщиной с руку, привязанный к основанию мачты. В начале путешествия матросы натягивали им парус.

Я все еще держал в руке нож капитана. Команда кога злобно смотрела, как я начал пилить толстый канат. Это заняло несколько минут. Когда последнее волокно было перерезано, мне хватило здравого смысла отскочить назад. Большой парус стал сползать и кучей обрушился на палубу.

Я побежал назад к рабу и капитану.

– Теперь сними румпель, – велел Озрик.

Я пришел в замешательство, но проследил за его взглядом и понял, что он говорит о деревянном рычаге, который направлял корабль.

Я приблизился к рулевому, и когда тот заколебался, не решаясь отойти, угрожающе поднял нож капитана. Мне это уже казалось забавным. Он отошел, и я обнаружил, что деревянный брус вынимается. Невольнику не было нужды говорить мне, что делать дальше. Я выбросил румпель за борт.

Пара шагов – и я снова оказался рядом с Озриком и капитаном, чья рубаха спереди уже была вся в крови. Ког больше не двигался по воде, а неуклюже качался на волнах, поднимаясь и опускаясь, поворачиваясь туда-сюда на ветру.

– Ты первый, – сказал мне раб.

Я схватил свою сумку и узел Озрика и бросил их в лодочку, потом перелез через борт корабля сам, на мгновение завис и отпустил руки. Приземлился я неуклюже, свалившись в кучу, и оправился, когда рядом уже оказался Озрик, проворно соскочивший с кога. Не говоря ни слова, он взял у меня из руки нож капитана и перерезал веревку, привязанную к большому судну. Мгновенно расстояние между лодкой и когом стало увеличиваться, лодку начало относить ветром.

Я ждал руководства Озрика. Он деловито развязывал пару весел, лежавших в лодке, и только тут до меня дошло, что сломанная нога и изогнутая шея почти не влияли на его ловкость на борту кога. Для человека с такими увечьями действовать на корабле было совсем не то же, что быть на суше.

Что-то упало в воду неподалеку, создав фонтан брызг. Я посмотрел. Кто-то на покалеченном коге нашел лук и стрелы и в злобе стрелял по нам. Но попасть было почти невозможно, а вскоре мы уже оказались вне досягаемости. Напоследок я увидел, как ког беспомощно уносит вдаль, а маленькие фигурки его команды, собравшись на палубе, пытаются поднять парус.

Передав мне весла, Озрик продемонстрировал, как продеть их через две веревочных петли, чтобы они встали на место. Я сел на скамью и приготовился грести, предварительно поинтересовавшись:

– В какую сторону?

Он указал. Я видел вокруг только воду. Потом лодка поднялась на гребень волны, и вдали показалась тонкая серая полоска. Должно быть, виднелось побережье Франкии.

Пришлось вернуться к своей работе и налечь на весла. Одно ушло глубоко в воду, а другое махнуло по воздуху. Я чуть не упал со скамьи. Гребля на лодке в море не обещала быть легкой.

Раб нашел деревянный инструмент, похожий на совок для зерна с короткой ручкой, и начал вычерпывать воду со дна лодки обратно в море. Потом прервался на мгновение, вынул из-за пазухи кошелек капитана кога и протянул мне. Когда я взял его и открыл рот, чтобы поблагодарить за спасение жизни, то понял, что слова не нужны. На лице мужчины я увидел то, чего не видел с тех пор, как утонул брат, со дня той смерти, в которой он обвинял себя.

Невольник улыбался.

Глава 3

Мы высадились на берегу, покрытом круглыми гладкими серыми камешками. По колено в воде стояли два маленьких оборванца и наблюдали, как я неуклюже преодолеваю на веслах последние ярды. Мальчишки собирали моллюсков и настороженно попятились, увидев, что мы вылезаем из лодки. Земля немного покачивалась, когда я пошел к ним с вымученной улыбкой.

– Можете отвести нас к себе домой? – спросил я.

Они бессмысленно уставились на меня, а потом, не сказав ни слова, повернулись и побежали, только камни загремели под их босыми ногами, и исчезли за прибрежными дюнами.

Мы вытащили из лодки свои вещи и направились вслед за ними. Немного поразмыслив, я остановился.

– Дай на минутку этот узел, – сказал я.

Раб отдал его, и я осмотрел одежду, которую удалось забрать из дому, – рубахи и белье, пару запасных туфель, свернутый плащ, тунику и сандалии для Озрика, расшитый пояс, рейтузы. Больше ничего не было. Воспользовавшись ножом капитана, я вырезал полоску ткани из старой рубахи и обвязал вокруг головы, закрыв один глаз. Дома все знали о цвете моих глаз, но теперь я был среди чужих, и будет лучше, если они станут думать, будто повязка скрывает пустую глазницу.

Озрик посмотрел и ничего не сказал. Он снова завязал узел и забросил на спину. Мы продолжили свой путь. Поднявшись на гребень дюны, увидели невдалеке, как по болотистой и густо заросшей травой почве к нам спешит один из двоих мальчишек, виденных на берегу. Его сопровождал мужчина в длинной коричневой рясе.

Они остановились перед нами, преграждая путь. Священник был стар и худ и так съежился от возраста, что поношенная ряса болталась на нем. Его лицо было изборождено глубокими морщинами, а тонзуру окружали лишь несколько прядей седых волос. Он рассматривал нас со смесью любопытства и легкой подозрительности. Бóльшая часть его зубов была утрачена, и он шамкал, когда говорил, но это не имело значения: я все равно не понимал ни слова. Но догадался, что он что-то спрашивает, и тон его не был враждебным.

– Мы были бы рады вашей помощи, – сказал я на латыни.

Он удивленно посмотрел на меня, так как я не производил впечатления образованного человека.

– Мальчик сказал, что вы приплыли на маленькой лодочке, – произнес старик, переходя на тот же язык.

– Мы направляемся ко двору франкского короля, – ответил я.

Он снова удивленно посмотрел на нас.

– Я думал, вы потерпевшие крушение моряки или, может быть, пилигримы. Иногда мы видим приплывших пилигримов, которые держат путь в Рим.

– Нам пришлось покинуть корабль, – солгал я и встретил его озадаченный взгляд.

– Никакого шторма не было.

– Пожар на корабле, – на ходу сочинил я. – Повар был неосторожен. Остальные пассажиры и команда сели в другую лодку. Если бы вы смогли направить нас, я был бы благодарен.

Старый священник колебался в нерешительности.

– Наш король Карл может быть где угодно. У него нет постоянной резиденции.

Это, в свою очередь, озадачило меня. Я представлял, что великий правитель франков живет в роскошном дворце в столице, а не скитается с места на место, как кочевник. Наша

жизнь окажется тяжелее, если мне с Озриком придется следовать за ним по всему обширному королевству.

– Но, скорее всего, в это время года он в Ахене, – сказал священник. – Занимается строительством. Насколько я понимаю, каким-то необычайным проектом.

– Тогда, возможно, вы можете указать мне лучший путь туда, и как далеко нам придется добираться? – спросил я.

– А как же ваша лодка? Вы оставите ее?

Я догадался, что для священника маленькая лодчонка представляется значительной ценностью.

– Буду рад, если вы примете ее в дар как знак благодарности. Мне она больше не нужна, – великодушно проговорил я.

Священник взглянул на Озрика. Тот, скособочившись, стоял рядом.

– Если вы с вашим товарищем собираетесь идти дальше, вам понадобится разрешение моего аббата.

Он сказал несколько слов мальчишке. Несомненно, старик велел бежать на берег и позаботиться, чтобы лодку не унесло в море, поскольку парень бросился через дюны.

– Пойдемте со мной! – сказал старик. – Здесь неподалеку деревня, где вы сможете отдохнуть. Завтра пойдем в монастырь и встретимся с аббатом.

Мы отправились по тропинке, петлявшей среди заросших камышом кочек. Под ногами хлюпало, священник шел впереди, шлепая по лужам.

– Меня зовут Лотарь, – сказал он через плечо. – Вам повезло, что я был здесь, когда вы прибыли, а то никто бы вас не понял: здесь говорят только на местном диалекте. Деревня принадлежит моему монастырю, и она очень бедная. Люди живут рыболовством и подбирают то, что выбрасывает море.

По его тону я понял, что он все еще не убежден, что мы на самом деле потерпели кораблекрушение.

– Я не видел никакой рыбацкой бухты, – сказал я.

– Побережье слишком открыто для злых зимних штормов. Деревенские жители держат лодки в устье реки неподалеку, а в плохую погоду бросают невод во внутренние озерца. – Он больше не мог сдержать любопытства: – Где вы так хорошо научились латыни?

– Отец пригласил священника, чтобы учить меня.

Я не сказал, что это был беглый священник: церковь преследовала Бертвальда за кражу. С собой он приволок любовницу – дикого вида неряху с живописной копной жестких каштановых волос. Король, верный старым традициям, с удовольствием приютил изменника религии, в которой не видел никакого толку. Бертвальд оставался у нас почти десять лет, и ему нечего было делать, кроме как плодить детей и наставлять меня, своего единственного ученика. Он и Озрик оказали на меня наибольшее влияние, и я только теперь начинал понимать, каким хорошим учителем был священник. Кроме латыни он научил меня читать и писать, а также дал начальные знания по грамматике и логике. Когда напивался, он хвастал значительностью церкви, из которой ушел, и заявлял, что у нее имелась своя школа и библиотека из пятидесяти книг. Но под конец моего учителя погубили вольнодумные речи. Один из наших местных христиан выдал священника его бывшему епископу, и Бертвальд скрылся так же быстро, как и появился.

Мы добрались до рыбацкой деревни – кучки небольших хижин, крытых камышом. Повсюду виднелись сети. Они были свалены за дверьми, разложены на крышах, развешены на шестах для просушки и натянуты на удобной высоте, чтобы чинить. Все трудоспособные мужчины занимались починкой сетей. Неудивительно, что деревня провоняла рыбой.

Ужин состоял из черствого хлеба и тушеных моллюсков, а ночь мы провели в одной из хижин на тюфяках из старых сетей. К утру мы сами пропахли рыбой.

– Помоемся, добравшись до монастыря, – ободрил меня Лотарь.

Еще не рассвело, когда к нам присоединилась дюжина сельчан. В полумраке все они сгибались под тяжестью больших плетеных коробов на спине. Мне показалось, что их ноша слегка шуршит, словно внутри копошится что-то живое.

Наконец пришел серый хмурый рассвет без дуновения ветерка, и мы отправились вглубь суши. Местность постепенно повышалась, и сырые болота сменились сухими, заросшими кустарником пустошами. Из кустов с обеих сторон дороги вылетали стайки птиц, и от нас вприпрыжку убежал большой заяц, но потом остановился и смотрел, как наша колонна топает мимо. Это было дикое и пустынное место, мы не видели никаких признаков человеческого жилья. Через три часа ненадолго остановились, чтобы позавтракать жесткими полосками сушеной рыбы, запивая их тепловатой водой из кожаных бурдюков. Никто не разговаривал. Деревенские жители были молчаливы. Они сидели на земле, не снимая со спины коробов. Наконец, вскоре после полудня, мы вышли на открытое место и увидели несколько домов. Проводник ускорил шаги.

– Мы должны успеть к девятому часу,[1] – сказал он.

Я ожидал, что его аббатство будет чем-то значительным и впечатляющим, но это оказалась просто большая обнесенная стеной ферма.

Мы тяжело прошагали сквозь ворота и очутились в широком немощеном дворе, окруженном конюшнями, коровниками и сараями. Само аббатство составляло одну сторону двора и было не больше дома моего отца. Какой-то монах, направлявшийся ко входу, обернулся и поприветствовал нас. Лотарь махнул ему рукой, но наши молчаливые спутники, пришедшие с побережья, никак не отреагировали. Они направились к большому каменному корыту, установленному с краю двора. Мужчины останавливались там, нагибались, и один из них открывал крышку короба, откуда вытекала извивающаяся черно-коричневая масса. Через голову носильщика она шлепалась в корыто. В голове у меня вспыхнул образ корня лилии, утопившего моего брата, и я ощутил спазм в желудке. Деревенские жители несли партию живых угрей, большинство из которых достигали длины моих вытянутых в стороны рук. Угри извивались и завязывались в узлы, тщетно пытаясь вылезти из корыта на волю.

Избавившись от своей ноши, носильщики возвращались назад к воротам, желая до наступления ночи добраться домой.

– Как часто они носят сюда угрей? – спросил я священника.

– Каждый второй месяц. Они пускают их в пруды и держат там, пока не придет пора платить десятину. – Похоже, он был доволен собой. – Одно из Божьих чудес. Морская и речная рыба приходит и уходит со сменой времен года, но угри у нас есть всегда. Постоянный урожай.

Из главного входа в аббатство вышла фигура в удивительном наряде и устремилась через двор посмотреть на кишащую в корыте массу. Низенький, лысеющий, кругленький человечек был в розовой рубахе из тонкой шерсти, темно-синих рейтузах и оранжевых подвязках крест-накрест. На его модных туфлях желтые длинные острые носки задирались вверх, а на шее виднелась дорогая с виду золотая цепь.

– Это аббат Вало. Вы должны объясниться с ним, – сказал проводник.

Я заметил на золотой цепи аббата украшенный драгоценными камнями христианский крест.

– Ты хорошо поработал, Лотарь, – проговорил настоятель, энергично потирая руки, и распятие подскакивало у него на пузе. – Здесь хватит, чтобы выполнить наше обязательство.

Аббат Вало напоминал мне подвижную надутую птицу с ярким оперением, и это впечатление усилилось, когда его глаза-бусинки уставились на меня.

---

[1] Девятый час – церковное богослужение суточного круга, совершается в три часа дня. (*Здесь и далее прим. перев.*)

– Он сошел на берег около нашей деревни и говорит, что направляется к королевскому двору, – объяснил Лотарь.

– Меня зовут Зигвульф, – вмешался я. – Я направляюсь ко франкскому двору по поручению Оффы, короля Мерсии.

Я не видел нужды упоминать про Озрика. Было ясно, что он меня сопровождает, несмотря на свой потрепанный вид.

– Этому есть доказательства? – спросил аббат.

Я достал письмо, которым снабдил меня королевский писец. Склонность аббата к яркой одежде вводила в заблуждение. За красочной внешностью скрывался острый ум. Он быстро просмотрел документ и вернул мне.

– Мне знакома подпись короля Оффы. – Он сделал полшага назад, но я успел уловить дуновение его благовоний. – Лотарь проследит, чтобы после посещения лаватория вас разместили в гостевом доме, – и прежде чем я успел извиниться за свой запах, аббат добавил: – Если вы не спешите в Ахен, можете составить компанию моим угрям. Они отправляются утром. – С этими словами он повернулся на каблуках и удалился.

– Замечательный человек, – проговорил наш проводник, глядя вслед своему начальнику.

– Давно он уже аббат? – спросил я.

Вало не поразил меня своим благочестием.

– Еще нет трех лет. Его прислали, чтобы увеличить доходы.

– Наверное, его прежнее аббатство сожалеет, что он покинул их, – тактично проговорил я.

– О, нет, его произвел в аббаты сам король. До того он был помощником королевского казначея. Очень толковым.

Я попытался вспомнить, была ли у Вало тонзура. Вероятно, нет. Мне показалось, что Лотарь занервничал, и, вспомнив, что он очень хотел присутствовать на послеполуденной молитве, я сказал:

– Не хочу больше вас задерживать. Мы с моим слугой сами позаботимся о себе.

Лотарь воспрянул духом, очевидно довольный, что избавится от нас.

– Прежде чем идти в часовню, я покажу вам умывальню.

Он отвел нас в маленькую пристройку при здании аббатства. Бертвальд описывал, какая умывальня была в его аббатстве, – с проточной водой, поступавшей по свинцовым трубам и стекавшей в большую каменную чашу. Но здесь было лишь четыре больших деревянных лохани с водой, стоявших на возвышении на каменном полу, и в стене была проделана дыра для стока. Лотарь ополоснул лицо и руки и поспешил на богослужение, а я помылся более основательно, и Озрик протянул мне чистые одежды. Как только провожатый скрылся из виду, я разрешил рабу воспользоваться лоханью. Я знал, что он очень привередлив насчет личной чистоплотности.

Потом, в ожидании возвращения Лотаря, я побродил по двору, заглядывая в разные пристройки и сараи. Раньше я никогда не бывал в аббатствах и даже в христианской церкви и, честно говоря, не исповедовал никакой религии, но Бертвальд достаточно рассказал мне о христианской жизни, чтобы я мог притвориться верующим.

Я обнаружил колодец, пекарню и кузницу, а также прачечную, где оставил Озрика, чтобы он постирал нашу запачканную одежду. Все, казалось, содержится в порядке – в подтверждение толковости аббата Вало. Пока продолжалось богослужение, никого рядом не было видно, и я заглянул в конюшни. Там полудюжина коней фыркали, ели корм и топтались на соломенной подстилке. Рядом стояло два вола. Дома в хозяйстве тоже содержали волов для плуга – рабочую скотину, с которой хорошо обращались за хорошую работу, – но эти два больше напоминали избалованных домашних любимцев. Рыжие шкуры лоснились, рога

были обвиты цветными нитями, а копыта смазаны маслом и отполированы до блеска. Я взял пучок сена и приблизился, чтобы дать им.

– Руки прочь! – предостерег сердитый голос.

От неожиданности я подскочил. Позади в дверях появился приземистый коренастый человек. Он поставил принесенное деревянное ведро с водой, с хмурым видом подошел и вырвал у меня пук сена.

– Я не хотел ничего плохого, – сказал я.

– К этим животным не прикасается никто кроме меня, – сказал незнакомец.

Левую половину его лица от линии волос до самой шеи, уходя под воротник, покрывало большое багрово-красное родимое пятно. В своих тяжелых деревянных башмаках, домотканых штанах и свободной рубахе мужчина был похож на крестьянина, а не на монаха, и на латыни говорил неуклюже, с сильным акцентом.

– Я искал гостевой дом. Может быть, вы меня направите? – сказал я.

– Откуда мне знать, где это? Я сплю рядом со своей скотиной, – грубо ответил он.

Я покинул стойло и снаружи увидел Лотаря, искавшего меня.

– Вижу, вы познакомились с Арнульфом, – сказал он.

Сердитый скотник стоял у стойла, уперев руки в бока и всем видом показывая, чтобы я не возвращался и не беспокоил его драгоценных волов.

– Может быть, следует напомнить ему, что аббатство – место гостеприимное, – проворчал я, все еще не отойдя от его грубости.

– Арнульф не принадлежит аббатству. Вон его повозка. – Он указал на стоящую в углу двора телегу.

У нее были обычные четыре больших деревянных колеса и одно дышло, а на платформу, куда обычно наваливают груз, кто-то установил огромный ящик в виде гроба.

– Для наших угрей, – пояснил Лотарь. – Арнульфа наняли, чтобы он возил их в Ахен. Вот что имел в виду аббат Вало, когда предложил вам способ добраться туда.

* * *

В ту ночь было трудно уснуть. Как только я закрывал глаза, меня мучило неприятное зрелище сворачивающихся и разворачивающихся угрей, и я боялся, что меня ожидает кошмар. Любопытно, что когда я, наконец, заснул, мне вместо них приснился огромный металлический конь. Он сиял и искрился. Тяжелой поступью животное подошло ко мне, неся на спине бородатого всадника, тоже металлического. На мужчине был короткий плащ и военного покроя туника. Конь подходил все ближе, пока не навис надо мной. Я уже ощущал горячее дыхание из его ноздрей, таких широких, что там могла бы свить гнездо птичка. Штанов на всаднике не было, на огромных ногах были тяжелые сапоги, и ступни свисали вровень с моим лицом. Я опустился на колени в страхе, что сейчас буду раздавлен, но в последний момент конь остановился и замер, занеся надо мною гигантское копыто. Взглянув наверх, я содрогнулся от страха. Всадник смотрел на меня. Лицо его было незнакомо. Он сделал непонятный жест рукой, и из глаз его покатились капли крови.

Проснувшись, я понял, что проспал. Через окно в гостевой дом струилось солнце, а вместе с ним проникали звуки льющейся воды и странное хлопанье. Я поспешно встал и, подойдя к двери, выглянул во двор. Группа рабочих – судя по виду, рабов, – выстроившись в ряд, передавали друг другу ведра с водой из колодца. Последний в цепочке находился на повозке рядом с деревянным ящиком. Там же стоял другой раб. Каждый раз, когда прибывало ведро с водой, он на мгновение приподнимал тяжелую деревянную крышку, в ящик выливали воду, и крышка тут же захлопывалась.

У задней части повозки стоял Озрик, проведший ночь в спальне для слуг. На земле рядом лежал наш узел с вещами. Арнульф уже запрягал двух волов, они стояли неподвижно, и с морд свисала вязкая слюна. Я окликнул раба и сказал, что сейчас подойду. Возница недовольно посмотрел на меня, словно я его задерживал. Он держал в руке длинный легкий прут.

Водоносы закончили работу. Человек, управлявшийся с крышкой, захлопнул ее в последний раз, забил клин и спрыгнул на землю. Я смотрел, как Арнульф занял свое место лицом к двум огромным волам. Он щелкнул языком, и они двинулись вперед короткими, но грациозными шажками. Вслед за ними, как невесомая, покатилась массивная повозка на толстых цельнодеревянных колесах. Мужчина пятился назад лицом к волам и, вытянув свой длинный прут, очень нежно коснулся правого уха правого вола. Не меняя шага, волы нарушили равенство тяги и направились прямо в ворота аббатства. Позади оставался темный след от воды, капающей из чана с угрями.

Я потерял несколько минут на поиски Лотаря. Хотелось поблагодарить его и попрощаться, но священника нигде не было видно, как и аббата Вало. Забросив на плечо сумку, я ринулся через ворота догонять Озрика. Повозка едва отъехала на пятьдесят ярдов, и я осознал, что не имею представления, как далеко находится Ахен и как долго туда ехать таким степенным прогулочным шагом.

Глава 4

Эта неспешная поездка оказалась восхитительной. На материке лето наступает раньше, чем у меня на родине, погода стояла теплая, но не до такой степени, чтобы жар изнурил Арнульфовых волов. Иногда капавший дождик прибивал дорожную пыль, не превращая ее в грязь. Мы двигались не более шести часов в день, время от времени останавливаясь, чтобы животные отдохнули, поели и напились. По ночам разбивали лагерь у дороги или останавливались в гостевых домах при монастырях, коих встречалось изрядное количество. Мы ехали по монастырским делам, и потому для нас всегда находили комнату, кормили и задавали корм волам, чтобы на следующий день мы продолжили путь. Ландшафт очень напоминал тот, что я видел на родине. Гряды холмов покрывали дубовые и буковые рощи, а долины крестьяне расчистили, чтобы сеять ячмень, рожь и пшеницу. Они жили в небольших хуторках, окруженных огородами и садами, и было ясно, что их хозяйства процветают. Построенные из дерева, соломы и глины дома были крепки, и, чтобы проехать одно поле, требовалось минут двадцать.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы завоевать благосклонность Арнульфа. Он всегда шел пешком перед своими волами, закинув на плечо прут, как удочку. Сначала Озрик и я плелись за повозкой, не видя своих пожитков, и нам казалось бестактным взять их оттуда. Арнульф делал вид, что нас нет. Если он с кем и говорил во время коротких привалов, то только со скотиной. Мужчина ухаживал за своими волами, ласкал их, ходил вокруг повозки, тщательно осматривая колеса, оси и груз. Так продолжалось, пока не доехали до первого брода через реку, где мы с Озриком сумели завоевать неохотное признание нашего возницы. Арнульф остановил повозку посреди реки, чтобы волы постояли в воде и остудили копыта. Я кивнул рабу и взял ведро, прицепленное сзади к повозке. Вскоре мы наполнили чан с угрями речной водой. Арнульф не поблагодарил нас, но, по крайней мере, дождался, пока мы закончим работу, и только после этого цокнул языком, чтобы волы двинулись вперед. Позже в тот же день он срезал две ветки с листьями и сделал знак, чтобы мы шли рядом с волами. Ветками мы должны были отгонять от скотины мух и мошек, появлявшихся перед заходом солнца.

С каждой милей во мне возрастало ощущение благополучия. Я не спешил в Ахен и впервые в жизни в какой-то степени распоряжался собственной судьбой. Став уверенней в себе, я предпринял единственную предосторожность: сменил повязку на глазу. Для этого я нашел шорника в маленьком городке, через который мы проезжали, – там как раз проходила ярмарка. Он сделал кожаный наглазник с завязками, чтобы плотно стоял на нужном месте. Когда пришло время платить, возникла трудность: мужчина не хотел брать отчеканенные Оффой серебряные монеты, говоря, что здесь это не деньги, и направил меня к еврею-меняле. Тот за двадцать процентов комиссии предложил обменять все мое мерсийское серебро на монеты короля Карла. Не колеблясь ни мгновения, я высыпал содержимое кошелька. Пока еврей взвешивал и скреб каждую монету, проверяя чистоту серебра, до меня дошло, что, вероятно, я в последний раз вижу лицо короля Оффы. По крайней мере, я надеялся на это.

Наша поездка изменила Озрика. Физическая нагрузка и долгие дни, проведенные на солнце, начали благотворно сказываться на его здоровье и осанке. Он теперь держал голову немного прямее, его сломанная нога постепенно выпрямлялась, а хромота была не так заметна. Он раскрепостился и сделался общительнее. Раньше он произносил за раз лишь по несколько слов, а теперь стало возможным обмениваться с ним несколькими предложениями, хотя сам он редко начинал беседу.

– Ты бы предпочел остаться и служить моему дяде Кинерику? – спросил я его.

Это случилось на третий день после нашего отбытия из монастыря аббата Вало, и мы сидели на заросшей травой обочине дороги. Арнульф объявил остановку, чтобы переждать полуденный зной, и суетился возле волов в тени гигантского каштана.

Озрик потер рукой свою кривую ногу, массируя место перелома.

– Меня там ничто не удерживало.

– Король Оффа мог придумать что-нибудь другое, чтобы покончить со мной. Что бы ты тогда делал?

– Это решает судьба, – пожал плечами он. – Сейчас я предвкушаю, как мы приедем в Ахен и посмотрим, правду ли говорят о короле Карле.

– А что тебе говорили про него?

– Что у него странные привычки. Он не придерживается обычного распорядка – дремлет днем, бродит без охраны по своему дворцу, носит обычную повседневную одежду, ничем не выделяющую его как короля, иногда даже созывает свой королевский совет глубокой ночью.

– Звучит так, словно ты говорил с его слугами.

– Аббат Вало несколько лет служил в дворцовой администрации. Когда его назначили аббатом в монастырь, он взял с собой своего дворецкого и повара. Слугам нравилось рассказывать о временах, когда они были на королевской службе.

– Это только слухи, или они лично видели Карла?

– Дворецкий утверждает, что однажды видел короля в коридоре поздно ночью. Карл остановил его и задал кучу вопросов о дворцовой челяди, кто чем занимается и откуда они родом. Очевидно, он любит знать обо всем, что происходит. Челядь его боготворит.

Я задумался над ответом Озрика. Моего отца народ уважал издалека. Подданные короля Оффы боялись своего господина. А король Карл, по рассказам, был не похож ни на кого из монархов, о которых я слышал.

– А королевское семейство? Что оно собой представляет?

– У Карла есть незаконнорожденный сын. Он, как все верят, унаследует трон.

Опять странность. Обычно короли не признают бастардов.

– Разве у него нет никого ближе?

– Он сластолюбив, и у него была пара наложниц, родивших ему нескольких детей, в основном девочек.

Что-то в тоне, каким Озрик произнес последнее замечание, заставило меня посмотреть на раба вопрошающе.

Он улыбнулся.

– Мне говорили, что он любит держать девушек при себе. Но это только слух.

С этими загадочными словами Озрик встал на ноги. Арнульф погнал своих волов дальше, и они размеренными шагами двинулись по дороге на запад.

* * *

По дороге мы встречали других путников – нищих, бродячих ремесленников, торговцев, странствующих от хутора к хутору с мешками, набитыми всякой мелочью, которую удобно переносить, – от ножей до иголок. Заунывные песни вдали предупреждали о приближении группы паломников, идущих к святыне. В базарные дни встречались крестьянские телеги, груженные сельскохозяйственными продуктами, рядом бежали дети, в телегах болтались вниз головой живые куры, визжали связанные свиньи. Все нас обгоняли, если ехали в ту же сторону, кроме калек на костылях или женщин с детьми на руках. Верховые ругали нас, требовали освободить дорогу. Арнульф не обращал на них внимания, и им приходилось

нас объезжать. Поравнявшись с нами, они сердито хмурились, но родимое пятно у него на лице удерживало их от выражений недовольства.

Только однажды он свернул на обочину, пропуская других. К нам двигалась небольшая группа всадников вполне обычного вида за исключением того, что их сопровождал небольшой отряд солдат. Арнульф сразу съехал на обочину, и они с каменными лицами проскакали мимо. Потом, уже в сотне ярдов от нас, один из них повернул коня и подъехал к нам. Это был молодой человек, возможно, какой-нибудь мелкий чиновник. Он натянул поводья и задал нашему провожатому несколько вопросов – как долго тот в пути, откуда он, куда направляется и сколько заплатил на трех последних местах сбора пошлины. Удовлетворенный ответами, молодой человек учтиво кивнул и ускакал обратно к своим товарищам.

– Кто это был? – спросил я.

Раньше никогда я не видел Арнульфа таким почтительным.

– Люди короля. Их посылают с высочайшим приказом и полномочиями требовать объяснений. Они всюду суют свой нос, проверяя, все ли в королевстве идет как надо.

– Зачем им вооруженная охрана?

– Для виду. Все равно никто не посмеет им перечить.

– Значит, до Ахена уже недалеко?

– Роща, где мы сейчас едем, – королевский охотничий заказник.

Это было глухое, мрачное место, дорога миля за милей тянулась через дремучий лес. Близился вечер, смеркалось, и у меня появилось неприятное чувство, будто кто-то следит за нами из-за деревьев. Но когда присматривался, то никого не замечал. Я поделился своими тревогами с Арнульфом, тот только хмыкнул. В конце концов мы нашли поляну, где можно остановиться на ночлег. Костер разводить не стали и поужинали холодным окороком с хлебом, взятыми на последней монастырской кухне, после чего легли спать под повозкой. Два вола, послушные, как выдрессированные собаки, жевали свой корм, а потом опустились на колени, чтобы отдохнуть.

Через какое-то время я проснулся от тихого скребущего звука. Приподнялся на локте и выглянул из-под повозки. Луна на безоблачном небе светила так ярко, что предметы отбрасывали тени. Все казалось обычным. Я различил грузные очертания волов и услышал, как они жуют жвачку. У них в брюхе раздавалось глубокое урчание. За животными виднелась черная опушка леса, и где-то ухала сова. Я снова улегся, подумав, что меня разбудила крыса или лиса, заинтересовавшаяся нашей провизией. И вдруг послышался сдавленный визг. Две темные фигуры соскочили на землю у повозки и бесшумно убежали в темный лес. Я поднялся на ноги и, взглянув на чан с угрями, увидел, что крышка открыта. Мой крик разбудил Арнульфа и Озрика, и, присоединившись ко мне, они успели увидеть, как первая змееподобная тварь выскользнула из чана.

Арнульф выругался.

– Закрой крышку, пока все не расползлись!

Я полез на повозку и в темноте нащупал что-то мокрое и склизкое. Оно извивалось, как скользкая мускулистая веревка. Мне пришлось преодолеть отвращение. Поставив ногу на конец оси, я потерял равновесие оттого, что большой угорь выскочил из чана и ударил меня в грудь. Он исчез в темноте, ползя по земле. Сжав зубы, я снова залез на повозку и надавил на крышку, стараясь плотнее захлопнуть. Она не закрывалась, потому что я прижал вылезающего угря. Он забился в панике, колотясь о мою руку, и обвился мне вокруг пояса. Тут рядом появился Арнульф. У него была деревянная киянка, которой он заколачивал шкворень повозки. Он вышиб ею вылезающего угря, тот, извиваясь, уполз прочь. Я почувствовал, что крышка встала на место, и ощутил, как внутри бьются угри, пытаясь выбраться. Арнульф нашел выбитый ворами клин и крепко заколотил его снова.

– Эти ублюдки сами перепугались до смерти, – сказал он, закончив, и бросил на меня странный взгляд.

Я понял, что мой наглазник в суете сдвинулся, и возница увидел, что у меня оба глаза целы. К счастью, в темноте было не разглядеть их цвета.

– Я и не знал, что угри могут так быстро ползать, – пробормотал я, отвернувшись.

Он плюнул через борт повозки.

– Они бесятся, чувствуя приближение дождя.

Было странно слышать это в такую ясную ночь, но на следующее утро, когда Арнульф запрягал волов, над западным горизонтом появилась черно-серая линия грозовых туч. Они быстро надвигались, затягивая солнце, и свет померк, хотя еще не было и полудня. Лес вокруг замолк в мрачном ожидании, а потом вдали послышался стон. По деревьям пронесся яростный ветер. Первые порывы срывали листья и кружили их в безумном танце. Мимо пролетел одинокий ворон, беспомощно хлопая крыльями в вихре, и исчез из виду. Вскоре верхние ветви стали сгибаться и выкручиваться, и буря всей силой обрушилась на лес. Слышался треск ломающихся тонких ветвей, а потом и толстых сучьев, они отламывались и, вертясь, падали на землю. Давно высохший огромный дуб, корявый, с прогнившей сердцевиной, наклонился, еще удерживаемый корнями, а потом рухнул, сотрясая землю и наполовину перегородив дорогу. Вывороченный ком земли был размером с небольшой дом. За шумом ветра послышалась словно бы барабанная дробь, и, наконец, хлынул дождь. Тяжелые капли застучали по земле, мгновенно образовав лужи, которые тут же слились вместе. По склонам потекли ручейки желто-коричневой воды и превратились в бурлящие потоки.

Яростная буря остановила Арнульфовых волов. Они терпеливо стояли, их рыжие шкуры от воды стали тускло-бурыми, а копыта постепенно завязли в грязи. Мы с Озриком забились под повозку, и под ногами у нас прибывала вода. Арнульф поднял капюшон плаща и сгорбился под прикрытием волов. Наверное, целый час буря хлестала нас, а потом перешла в ровный нестихающий дождь. Мы двинулись дальше. Волы брели по грязи, и колеса повозки оставляли глубокие следы, которые тут же размывало дождем. Мне показалось, что я слышу, как возбужденно бьются и извиваются угри в чане.

Опустив голову, мы плелись по дороге и даже не заметили, как вышли из леса. Дождь продолжался целый день, а ночь мы снова провели, забившись под повозку. Других путников поблизости не было, и когда я, наконец, выглянул и осмотрелся, то увидел вдали предместья большого города.

Арнульф указал куда-то, и в миле от нас, на возвышенном месте, я увидел в паутине лесов величайшее здание из всех, что я когда-либо видел. Еще не достроенное, оно уже господствовало над городом.

– Новый дворец Большого Карла, – сказал Арнульф, вытирая дождь с лица.

Его мокрое родимое пятно блестело, как разрезанная свекла.

Мы углубились в город. Все жители сидели по домам, закрыв ставни от стоявшего стеной дождя. В грязных боковых переулках и затопленных канавах рылись в мусоре бродячие собаки и свиньи. Чем ближе мы подходили к новому дворцу, тем основательнее становились дома. Я предположил, что они принадлежали богатым купцам и королевскому окружению. Иногда между зданиями мелькал слуга или раб, бегущий с каким-то поручением, прыгая между потоками воды с крыш и водостоков. Промокшие, мы брели дальше, пока не вошли в королевский квартал. Это была огромная строительная площадка. Повсюду лежали строительные материалы – кучи бревен, груды тесаного камня и штабели кирпича. Здесь, наконец, шла какая-то деятельность. Плотники пилой и стругами обрабатывали огромные балки, спрятавшись от дождя под длинными низкими укрытиями. Другие работники десятками кувалд колотили по раскаленному металлу, каменщики резали и кололи камень, а из странного вида строения – судя по большой куче глины рядом, печи для обжига – шел дым. Мы

миновали временный навес, под которым люди ходили вокруг круглой ямы, толкая тяжелый брус. Заглянув в яму, я увидел, что брус приводит в движение лопасти, которые месят какую-то бурую кашу, и понял, что они замешивают огромное количество раствора.

Когда мы подошли ближе, назначение ряда недостроенных строений стало понятнее. Массивное прямоугольное здание имело те же пропорции, что и пиршественный зал моего отца, и я догадался, что здесь будет палата для больших собраний. За ним приобретало очертания большое восьмиугольное здание, и строительство его уже заметно продвинулось. Уже было возведено основание крыши и сделан каркас для большого купола. Я догадался, что здесь будет королевская церковь. Я также заметил основание и нижнюю часть стен для длинной галереи, и меня поразили не только размеры и размах строений, до того я никогда не видел, чтобы так широко использовался кирпич. На родине мы строили стены из бревен и глины и крыли их тростником или черепицей, такие крыши требовалось регулярно менять. А здесь монументальные стены возводились из тысяч рядов ржавого цвета кирпичей, иногда перемежавшихся рядами из тесаного камня. Любому, кто их видел, становилось ясно: здания строятся навечно.

Арнульф повел волов через грязное месиво к группе других зданий и, не дойдя, остановил повозку.

– Здесь наши пути расходятся, – сказал он в своей грубоватой манере. – Я подчиняюсь службе сенешаля. – Он помолчал. – Спасибо за помощь в пути. Вряд ли мы встретимся снова.

Он отошел к своим волам, цокнул языком, и повозка со скрипом двинулась по грязи. Мне было жаль расставаться с ним, потому что он оказался честным человеком, и у него хватало терпения учить меня и Озрика говорить по-франкски. Слова были немного похожи на саксонские, и мы с невольником практиковались друг с другом, так что немного освоились с языком и с каждым днем его улучшали. При последнем взгляде вслед Арнульфу я увидел лишь кончик его прута над чаном с угрями, этот прут более чем когда-либо напоминал удочку.

Мы остались одни под дождем, и появилась возможность переместить наглазник на другой глаз. Я обнаружил, что если слишком долго держать глаз прикрытым, то потом трудно им смотреть.

Ближайшим укрытием был портик недостроенного восьмиугольного здания, которое я заметил раньше. Я побежал туда и снял свой промокший плащ, стараясь не обрызгать уже слонявшихся там двух священников.

– Вы бы не могли подсказать, как найти резиденцию распорядителя двора? – спросил я.

Один из священников, тот, что повыше, сухопарый, конопатый и с высоким лбом, лет пятидесяти с лишним, внимательно посмотрел на меня и спросил, отчетливо выговаривая слова, что шло к его ученой внешности:

– Откуда ты, молодой человек?

Я объяснил, что король Оффа отправил меня ко франкскому двору.

– Мне показалось, что я узнал акцент, хотя твоя латынь более чем удовлетворительна. Вижу, ты привез с собой вашу погоду.

Священник запахнул поплотнее рясу и посмотрел на свинцовое небо.

– Похоже, дождь зарядил до вечера.

– Я надеюсь доложить о своем прибытии распорядителю королевского двора, – напомнил ему я.

Он состроил гримасу.

– Ты увидишь, что правительство парализовано. Дождь и наводнение не дают ему собраться. Броды непроходимы, а течение в реках слишком сильно для переправы.

Я задумался, не стоит ли развернуться и попытаться догнать Арнульфа. Он, наверное, уже на королевской кухне, и, по крайней мере, там можно поесть.

К нам прихромал Озрик. У раба был несчастный вид, на его тунике были пятна желтой грязи, и сам он как будто увял.

– Вижу, нелегко вам было добраться сюда, – заметил священник, глядя на нас. – У одного проблемы со зрением, у другого с ходьбой. – Он как будто что-то решил. – Если пойдете со мной…

Он двинулся по морю грязи к солидному двухэтажному зданию, одному из нескольких достроенных. Дом находился рядом с незаконченным залом собраний, и у входа стояли два стражника с тяжелыми восьмифутовыми копьями. Они, похоже, знали нашего проводника, так как отсалютовали ему, стукнув древками по земле, отчего с их железных шлемов упали дождевые капли. Он ввел нас внутрь и провел на второй этаж. Здесь была атмосфера скорее личной резиденции, чем служебного помещения. У двустворчатой двери, куда он постучал, тоже стояла стража. Чей-то голос пригласил нас войти, и мы вступили в просторную, скудно обставленную комнату. В центре был широкий стол, на нем стоял глиняный макет дворца, каким он будет по завершении строительства. Рядом со столом было множество низких табуретов и высокое деревянное кресло, напомнившее мне кресло моего отца в пиршественном зале. На стенах висели изрядно выцветшие гобелены с изображением сцен охоты. Единственным красочным предметом в комнате был большой крест с искусной резьбой и позолотой, располагавшийся на низком постаменте в конце комнаты.

У окна спиной к нам стоял высокий могучего вида человек и уныло смотрел на дождь, одной рукой обнимая за плечи молодую женщину.

– Что такое, Алкуин? – спросил он, обернувшись и взглянув на нас.

Ростом он был далеко за шесть футов, и все в нем имело внушительный, даже грозный вид. Крупная голова сидела на толстой шее. У него был выпирающий вперед нос, большие серые глаза и, хотя он стоял выпрямившись, довольно заметный живот. По моей оценке, ему было под пятьдесят, поскольку виски начинали седеть. Но самыми поразительными были его усы. Длинные, пышные, светлые, они свисали на добрых шесть дюймов с обеих сторон рта и были тщательно расчесаны. Такие роскошные усы неожиданно гармонировали с двумя длинными косами женщины рядом с ним, которая выглядела намного моложе его. Взглянув на них, я заключил, что они отец и дочь, а не любовники, как заподозрил сначала.

– Я подумал, что эти два путешественника могут вас заинтересовать, – сказал наш проводник.

Большой человек воззрился на меня сверху. Он был одет строго, в повседневном франкском наряде, состоявшем из длинной темно-коричневой подпоясанной туники и серых шерстяных штанов. Вместо туфель на нем были шерстяные носки с кожаными подошвами, и их поддерживали обмотанные вокруг голеней матерчатые подвязки. На нем не было никаких драгоценностей, хотя на молодой женщине я увидел яркое ожерелье из отполированных кусочков янтаря, каждый размером с голубиное яйцо. Она, как и отец, была крепко скроена, и благодаря ремню с золотым шитьем, подчеркивающему широкие бедра и пышную грудь, ее фигура казалась сладострастной.

– Как твое имя? – спросил меня большой человек.

Его голос был на удивление тонким для такой фигуры.

– Зигвульф, – ответил я, – а это мой раб Озрик.

– Они только что прибыли, их прислал Оффа, король англов, – объяснил священник.

Умные серые глаза рассмотрели мое лицо.

– Вижу, в пути вас сопровождала хорошая погода. Вы здорово загорели.

– Она испортилась лишь три дня назад. До того все время палило солнце.

– Оно повредило тебе глаза?

– Это врожденный недостаток, который я предпочитаю скрывать, – осторожно ответил я.

– Странный недостаток. Он, похоже, переходит с одного глаза на другой.

Я не понял, что он имеет в виду, и не знал, что ответить.

– Кожа вокруг твоего левого глаза не загорела. Однако ты носишь наглазник на другом глазу, – объяснил мужчина без следа иронии.

Я почувствовал, что краснею от смущения, и оглянулся на священника, Алкуина. Тот с невозмутимым видом стоял, спрятав руки в рукава.

– Было бы любезно с твоей стороны снять наглазник, – подсказал он.

Помня, как отшатнулся Оффа, я неохотно удалил кожаную накладку с правого глаза.

Но тут все было совсем не так.

Большой человек передо мной какое-то время пристально смотрел на меня и, наконец, проговорил:

– Интересно. Говорят, что у Александра Македонского было то же самое. Его глаза были разного цвета. Признак уникальности. – Не обращая внимания на Озрика, он повернулся к священнику. – Мы радушно принимаем молодого человека. Помести его вместе с паладинами и проследи, чтобы ему выдали новую одежду.

Было ясно, что он нас отпускает, и священник поклонился. Я тактично сделал то же самое, и все трое мы удалились из комнаты. Когда дверь за нами закрылась, я вспомнил, что письмо от Оффы так и осталось у меня в сумке.

– Я забыл отдать королевскому распорядителю письмо, которое король Оффа приготовил для франкского правителя, – сказал я Алкуину.

Тот приподнял брови.

– Это был не распорядитель, а сам Карл, известный как король франков и лангобардов и римский патриций.

Я помертвел: не узнать самого могущественного человека на западе!

– Но он был одет так просто… – пролепетал я.

– Правитель ненавидит дорогие и модные наряды, – сказал священник. – Почти так же, как безделье. Он вечно ищет, чем себя занять. Большинство советников воспользовались дождем как поводом устроить себе выходной, и потому ему нечего делать. Мне показалось, что ваше появление его развлечет.

Я достал из сумки пергамент, уже закапанный водой.

– Тогда, наверное, следует оставить письмо в секретариате.

– Я займусь им, – сказал священник, беря у меня письмо. – Между прочим, я королевский советник из Нортумберленда.

– Благодарю вас за помощь. Надеюсь, у меня еще будет возможность встретиться с вами.

Алкуин тонко улыбнулся.

– Будет. Еще одной моей обязанностью является вдалбливать знания в голову королевских «гостей» вроде вас. Король Карл не выносит безделья сам и терпеть не может, когда бездельничают другие.

Я снова пристроил наглазник на левый глаз.

– Надеюсь, он не будет возражать, что я ношу это.

Священник пожал плечами.

– Как тебе угодно.

Мужчина проводил нас назад ко входу и сказал стражникам:

– Пусть один из вас покажет молодому господину помещение для королевских гостей, а потом отведите его раба в кладовые, чтобы принес хозяину подходящую одежду.

Когда мы вышли на открытое место, порыв ветра швырнул дождь нам в лицо. Мы с Озриком вслед за солдатом побежали в укрытие недостроенного зала собраний и свернули за угол. Наглазник не давал ничего видеть слева, и, стараясь не отставать от стражника, я

налетел на стоящий на пути большой каменный блок по пояс вышиной. Я уже хотел обойти его, но что-то заставило меня взглянуть наверх. По спине пробежал холодок. Блок служил пьедесталом замечательной статуи – бронзового коня вдвое больше натуральной величины. Каждая деталь была точна – раздутые ноздри, поднятое копыто, выгнутая шея. Всадник на спине сидел в той самой военной тунике и тяжелых военных сапогах, какие я видел во сне, и делал тот же жест рукой. Только лицо его было другое. И он смотрел не вниз на меня, а уставился прямо перед собой, и с его невидящих глаз текла дождевая вода, а не кровь.

Глава 5

Снаружи помещение, где жили паладины или королевские «гости», можно было принять за армейскую казарму. Это был длинный низкий барак в дальнем конце дворцовой территории. Стражник оставил меня на пороге и ушел вместе с Озриком в кладовые. Страстно желая укрыться от дождя, я открыл тяжелую дверь и, проскользнув внутрь, оказался в длинной комнате, которая занимала все здание. Через ряд маленьких окошек проникал водянисто-серый свет. Все пространство между двумя рядами столбов, подпиравших крытую тростником крышу, занимали столы и скамьи. Вдоль стен вытянулись спальные кабинки. На земляном полу, под местами, где крыша протекала, было сыро. В яме для огня скопились зола и холодные угли. И помещение не только выглядело, как казарма, но и запах здесь стоял такой же, и было так же душно.

Дюжина человек убивали время в дождливый день. Большинство были моими сверстниками или на несколько лет старше, и я отметил одного лохматого парня, сидевшего в стороне от других. Он расположился на деревянном табурете и уныло кромсал какую-то деревяшку. Седой мужчина намного старше всех остальных играл в настольную игру с энергичного вида противником, чья кожа был почти такой же темной, как у Озрика. Остальные сидели за центральным столом перед кожаными бутылками, рогами для питья, чашами и кубками.

– Привет, Одноглазый, – сказал один из них, заметив, что я нерешительно стою в дверях.

У него были курчавые каштановые волосы и открытое улыбчивое лицо.

– Пришел присоединиться к придворным товарищам?

– Так пожелал король Карл, – ответил я в надежде, что мой франкский язык, которому я научился от Арнульфа, не так плох, чтобы его не понять.

– Ты откуда?

– Меня прислал Оффа, король англов.

– Не оттуда ли этот скряга Алкуин? – спросил его товарищ – круглолицый глуповатого вида парень с меланхоличными карими глазами.

– Нет, он из земель, что севернее, – ответил я.

– Хватит болтать, Отон, твоя очередь, – оборвал его мужчина, как мне показалось, приближающийся к среднему возрасту.

Густые черные брови над глубоко посаженными глазами придавали ему свирепый и неуравновешенный вид, и такое впечатление усиливал его нетерпеливый тон.

Тот, кого звали Отон, кивнул на пустое место за столом.

– Садись, Одноглазый. Не обращай внимания на Ансеиса. Он твердолобый бургунд, а они манерам не обучены.

– Отон, ты заставляешь нас ждать, – раздраженно проворчал Ансеис.

Я сел за стол, а круглолицый, закрыв глаза, задумался, потом открыл их и продекламировал:

– Я видел зверя, чье брюхо вздымалось за спиной, жирное и раздутое.

Сильный слуга ухаживал за ним и наполнял его брюхо тем, что привозили издалека, а потом входил через его глаз.

Он дает жизнь другим, но сам не умирает. Новая сила оживает в его брюхе.

И он снова дышит…

Отон обвел взглядом сидевших за столом.

– Что я видел? – спросил он, и я понял, что компания развлекалась разгадыванием загадок.

Так же играли в пиршественном зале моего отца после пира.

Возникла долгая пауза, все молчали.

– Давайте, думайте. Это довольно легко, – подталкивал их Отон.

– Брюхо, возвышающееся за спиной, – пробормотал веселый парень с вьющимися волосами. Он приподнялся на скамье и громко пустил ветры. – Это подсказка?

– Беренгер, ты отвратителен, – сказал Отон.

– Мехи – вот что ты видел, – сказал смуглый мужчина, игравший в настольную игру.

– Точно. Твоя очередь, Энгелер, – сказал Беренгер.

Тот пригладил длинные лоснящиеся черные волосы и поправил манжеты дорогой шелковой рубашки. Я догадался, что он из тех, кого женщины находят привлекательным, и он это знает. Его загадка звучала так:

– Странная штука висит у человека рядом с бедром, скрытая одеждой.

У нее отверстие в голове, она твердая и сильная, и ее твердость приносит награду.

Когда человек снимает одежду, он хочет засунуть голову этой висящей штуки в подходящее отверстие, которое часто наполнял и раньше.

– Только и думаешь, что о всякой похабени, – захохотал Беренгер.

– Вовсе нет, – ответил Энгелер с наигранной серьезностью. – Это у тебя всякая грязь на уме. В моей загадке нет никакой пошлости.

Я знал ответ, но придержал язык.

– Отгадка – ключ, – ухмыльнулся мужчина. – А теперь отгадай следующую и попытайся прогнать из головы пошлости.

Он помолчал и начал:

– Нечто выпирает в своем укрытии, растет и выпирает, приподнимая свои покровы.

Гордая невеста кладет руки на бескостное чудо, королевская дочь накрывает раздувшийся предмет…

Что это?

Беренгер молчал.

У спрашивающего в глазах мелькнула хитрая искорка.

– Кто-нибудь знает? – Он обратился ко мне. – Например, ты, Одноглазый?

– Тесто, – тихо проговорил я.

Все замолкли. Я чуть ли не слышал, как все думают, что я за птица.

– Значит, Одноглазый, теперь твоя очередь, – сказал Отон.

Мне пришли на ум отцовские попойки и вспомнилась одна из его любимых загадок:

– Четыре странных существа путешествуют вместе, их следы очень темные. Каждый след черный-черный. Птичья опора быстро движется по воздуху под воду.

Усердный воин работает без остановки, направляя четверку по листовому золоту.

Я откинулся от стола и стал ждать отгадку.

– Лошадь и повозка, – вызвался Энгелер.

Я покачал головой.

– Что-то вроде летящего по воздуху дракона, который ныряет в воду, – предположил Отон.

Снова я покачал головой.

– Намекни, – попросил Беренгер.

Неожиданно заговорил растрепанный парень. Он отложил в сторону деревяшку, которую строгал, и сказал:

– Ты описываешь вещи словами, не определив их значение. – Он говорил взвешенно и обдуманно.

– Для меня это звучит бредом, Огьер,[2] – заметил Беренгер.

– Дома наши поэты постоянно так делают, – сказал Огьер. – Они называют море дорогой китов, солнце – небесной свечой, – и снова принялся строгать деревяшку.

Я не хотел, чтобы компания почувствовала себя дураками, и сказал:

– Огьер прав. В моей загадке «птичья опора» – это перо, а «усердный воин» – это человеческая рука.

Голос у меня за спиной проговорил:

– Тогда четыре странных существа, путешествующих вместе, – это четыре пальца писца, а перо – это его перо, оставляющее чернильный след.

Я обернулся посмотреть, кто угадал правильный ответ. Высокий и приятной наружности, он только что вышел из спальной кабинки и держался с непринужденной грацией. У него была чистая кожа, прямой нос и серые глаза, а волосы цвета спелой пшеницы. Что-то в нем показалось мне смутно знакомо. Чуть погодя я понял, что он напоминает короля Карла в молодости. Попытавшись встать со скамьи, чтобы поклониться, я столкнулся со столом, стоящим рядом, и упал обратно на место. Моя неуклюжесть вызвала у него улыбку, открывшую белые ровные зубы.

– Не вставай, – сказал он. – Мое имя Хроудланд.

– Меня зовут Зигвульф, – ответил я. – Ты правильно отгадал.

Хроудланд сел рядом.

– Случайно догадался, – сказал он. – Хотя так и не понял, что ты имел в виду под «листовым золотом».

– В загадке я представлял человека, пишущего пером и чернилами по пергаменту с золочеными иллюстрациями.

– Ты должен задать эту загадку моему дяде. Он хорош во всем, что касается религии.

– Кто он?

– Моя мать – сестра короля Карла.

Я успел лишь открыть рот, чтобы ответить, как меня перебил Ансеис:

– Это правда, Хроудланд, что король собирается пойти войной на сарацин в Испанию?

– Не в этом году. Теперь уже поздно, – ответил он.

– На юге можно вести боевые действия почти до Рождества, – заметил Беренгер.

– Это ты можешь обсудить с Герардом,[3] – сказал Хроудланд, взглянув на седого пожилого мужчину.

Про загадки забыли. Беседа переключилась на то, сколько потребуется времени, чтобы собрать войско, на скорость передвижения обоза, правильное соотношение лучников, пехоты и конницы, правильную тактику против сарацин. Из их разговоров и споров я понял, что Герард приехал с юга и что когда король Карл отправлялся на войну, мои товарищи, королевские гости, служили командирами в его войске.

---

[2] В «Песни о Роланде» его называют Ожье (Ожье Датчанин).

[3] В старофранцузском эпосе («Жирар Русильонский») его зовут Жераром или Жираром.

Спор вызвал в памяти единственное сражение, в котором я участвовал, и мне пришлось, извинившись, выйти из-за стола. Озрик вернулся из королевских кладовых с охапкой одежды, и я показал ему свободную кабинку, куда он сложил мой новый гардероб. Когда раб ретировался, я лег на койку и закрыл глаза. День был долгий, и я устал, так что почти мгновенно заснул.

Мне явился брат-близнец или, точнее, его призрак сел рядом с моим ложем. Он выглядел так же, как всегда, когда приходил по ночам, – задумчивым и спокойным, а не жутким трупом, каким я видел его в последний раз. В сновидениях он рос так же, как и я, и иногда казалось – смотрюсь в зеркало, а не гляжу на умершего десять лет назад брата.

Он долго сидел, ничего не говоря, порой оглядывая мой маленький альков, и, наконец, спросил:

– Что ты думаешь о них?

Как всегда, я не ответил. В этом не было нужды. Брат всегда сам отвечал на свои вопросы.

– Узнавай о них все, что сможешь. Подозревай того, кому стал доверять, и доверяй тому, кого подозреваешь.

Потом он встал и ушел.

* * *

Я проснулся до рассвета. Какое-то время лежал в своей кабинке, вспоминая, где нахожусь. Потом поднялся и бесшумно оделся во франкский наряд, который мне принес Озрик – льняные подштанники и рубашку, шерстяные рейтузы с подвязками крест-накрест, а сверху тунику с поясом. Озрик подыскал кожаные сапоги подходящего размера. Меня задержал лишь длинный плащ в форме двух квадратных полотнищ. Потребовалось некоторое время, чтобы в темноте должным образом приладить его на плечи, дабы он свисал спереди и сзади, оставляя по бокам разрезы.

Я тихо пересек помещение, стараясь не разбудить своих новых товарищей, и вышел на улицу. Ночью дождь прекратился, в воздухе пахло сыростью и плесенью. Лишь едва заметное свечение показывало, где взойдет солнце. Я стал осторожно пробираться в сумерках, пытаясь вернуться к статуе коня.

Но, пройдя шагов сто, понял, что сбился с пути, и решил выполнить свой замысел на рассвете. Какое-то время я стоял в тишине, глядя, как здания постепенно появляются из сумрака. Было странно осознавать, что я нахожусь в сердце самого большого и могущественного королевства в западном мире и уже повстречался лицом к лицу с его верховным правителем. И все же я почти ничего не знал об этой стране. Если мне суждено найти в ней свое место, то нужно изучить ее порядки и обычаи. Эта перспектива меня будоражила.

И вдруг раздался страшный крик, в нем слышалась такая боль, что у меня волосы встали дыбом. Я инстинктивно потянулся к кинжалу, но вспомнил, что не взял его. Источник ужасного крика был где-то рядом. Безоружный, я замер в нерешительности, но жуткий вопль повторился с еще большим отчаянием, чем раньше, и стало ясно, что нужно вмешаться. На кого-то напали, и необходима немедленная помощь. Крики доносились из дальнего конца строительного сарая. Я набрал в грудь воздуха и с колотящимся сердцем бросился за угол, не зная, что меня там ожидает, надеясь, что мое внезапное появление спугнет нападавшего. В крайнем случае можно громко закричать, поднимая тревогу, и кто-нибудь прибежит на помощь.

Но за углом никого не оказалось. Там была лишь большая куча распиленных бревен и залитый грязью пустырь. Бледные пятна опилок отмечали места, где днем работали плотники. Я в замешательстве остановился. Уже достаточно рассвело, и у предметов появились

тени. Рядом с бревнами в сумраке на земле что-то двигалось. Я попытался разглядеть, что это, боясь увидеть в грязи израненную жертву. Но ничего не увидел. Потом из мрака важной походкой вышла какая-то птица. Ростом она была больше курицы, с крупными ногами и маленькой изящной головкой на грациозно изогнутой шее. Тело было по размеру, как у гуся, и хотя она не ходила так же вперевалку, походка ее была неуклюжей. За ней волочился хвост, совершенно несоразмерный с ростом. Я был все еще озадачен появлением этого странного существа, когда оно подняло голову и издало тот самый ужасный вопль. Сердце мое снова заколотилось, но я уже понял, кто передо мной. Рядом с домом моего отца были развалины древнеримской виллы, где когда-то жил богатый купец, и там на мозаичном полу были изображения всевозможных экзотических существ – львов, морских чудовищ, рыб, уток и… павлинов.

– Сбежал из королевского зверинца, – послышался знакомый голос, и из тени материализовался Алкуин, в свою очередь напугав меня в это утро. – Извини, что испугал тебя. Прогуливаюсь после утренней молитвы. Хорошо помогает прочистить мысли.

– Эта тварь жутко кричит, – заметил я.

– Голос дьявола, поступь вора и тело ангела, – ответил Алкуин.

Услышав наши голоса, птица повернулась к нам и медленно расправила хвост огромным веером. Напыжившись, она выглядела так, словно сейчас опрокинется клювом вниз. Несмотря на ее комическую позу, я был впечатлен. Римские мозаики не уловили великолепия, которое я увидел вживую.

– Стоглазый Аргус, – сказал я.

Собеседник бросил на меня внимательный взгляд.

– Откуда ты знаешь про Аргуса?

– Дома мне рассказывал воспитатель. Он любил древние мифы.

– Священник?

Я кивнул.

– Ему бы следовало сказать, что узор на павлиньем хвосте представляет собой всевидящее око Господа.

Я решил поддразнить его:

– И плоть мертвого павлина не гниет? Отображая нетленное тело Христово?

Алкуин раздраженно ответил:

– Чистый вымысел. Если охотничья собака короля растерзает эту птицу, ты увидишь, что ее тело сгниет точно так же, как любой другой птицы.

Он стал загонять павлина, как гусыню, и я помог ему.

– А какие еще животные есть в королевском зверинце? – спросил я.

– Медведи, пара леопардов, журавли, волки, несколько обезьян, разные змеи – большинство проживает лишь год-два, а потом умирают.

– Как они туда попадают?

– Некоторых приносят охотники, прослышав о королевском зверинце. Более экзотических присылают иноземные правители в качестве подарков.

Я увидел то, что искал сначала.

– А что вы можете сказать про металлического коня, большую статую? Тоже подарок?

– Она прибыла из Италии, из Равенны. Изображает римского императора Феодосия. Карл попросил, чтобы ее прислали ему.

– Странная просьба.

– Не такая уж странная. Феодосий был христианским императором Рима и нес слово Христово на покоренные земли. Карл видит в нем пример.

Я ничего не сказал, гадая, кто же явился мне во сне – римлянин или франк.

Павлин не спеша шагал перед нами, потом остановился и снова издал сиплый вопль. На крик прибежал слуга. Это был, наверное, один из служителей королевского зверинца, так как держал в руке мешочек с зерном. Он просыпал на земле дорожку из зерен, павлин, клюя, подошел к нему, и мужчина схватил птицу.

Посмотрев, как павлина уносят, Алкуин спросил:

– Как ты устроился на новом месте с новыми товарищами?

– Все еще пытаюсь не перепутать, кого как зовут.

– Они из влиятельных семей, приехали со всего королевства и из-за его пределов.

– Один по имени Хроудланд утверждает, что он племянник короля.

– Это так, но его мать вышла замуж повторно, и он не ладит со своим отчимом, который занимает пост одного из главных министров. Когда они разошлись, жизнь стала спокойнее.

– Еще есть большой лохматый парень, он мало говорит, а только наблюдает.

– Сын датского короля. Заложник, гарантирующий хорошее поведение своего отца. Но спокойный и надежный человек. – Алкуин остановился и взглянул на меня. – Зигвульф, мой тебе совет вести себя так же. Смотри и слушай и сам делай выводы. Среди так называемых королевских гостей существует соперничество, и под поверхностью клокочет ненависть. Берегись их. – Где-то вдалеке зазвонил колокол. – Созывают на королевский совет. Увидимся после обеда на уроке.

Я посмотрел ему вслед. Священник шел уверенной походкой человека, твердо знающего, чего хочет. Его предупреждение удивительно напоминало слова моего брата.

* * *

Я вернулся к новым товарищам как раз к завтраку. Он состоял из мясной похлебки, густой от дробленого ячменя, как каша, и эту похлебку запивали пивом. За столом была оживленная атмосфера.

– Ты ездишь верхом, Одноглазый? – спросил Хроудланд, отодвигая пустую миску и вставая.

Он был почти так же высок, как его дядя, хотя не столь крепко сложен.

– Немного, – ответил я, подумав о дюжине лошадей, которые были у нас дома.

Это были обычные клячи, на них мы скакали, когда охотились, а потом навьючивали добычу, если удавалось добыть оленя или дикого кабана.

– Тогда тебе нужно много учиться, – сказал Хроудланд, кладя руку мне на плечо неожиданным дружеским жестом.

Все, включая седовласого Герарда, добродушно болтали и один за другим вышли на улицу, где дожидались слуги. Они были нагружены внушительным ассортиментом оружия и доспехов – шлемами и панцирями, мечами и щитами, дротиками и тяжелыми копьями. Только Озрик стоял с пустыми руками. Следуя за нашими помощниками, мы прошли по вязкой от грязи дорожке, и снова Хроудланд заговорил со мной, но на этот раз тихо:

– Ожидай небольшого розыгрыша.

Его взгляд указывал на шагавших впереди Энгелера и Отона.

– Надеюсь, вчера вечером я никого не обидел, – сказал я.

– Некоторые люди обидчивы или обижаются на тех, кто сообразительнее, чем они сами. Отнесись с подозрением к первому коню, которого тебе предложат.

Мы подошли к загону, где теснилось десятка три возбужденных лошадей. Они ржали и скалили зубы друг на друга, разбрызгивая копытами грязь. Кони были крупнее, сильнее и горячее, чем я когда-либо видел дома. По большей части за загородой находились жеребцы. Там и сям сновали конюхи, ловя определенную лошадь, и даже на мой неопытный взгляд они вывели к нам лучших в табуне. Тем временем слуги помогали хозяевам надеть толстые

стеганые плащи и кольчуги, перевязи, шлемы и толстые перчатки, потом помогли им сесть в седло на выбранных жеребцов и протянули оружие.

Я стоял в стороне и опасливо смотрел.

– Одноглазому тоже нужен конь.

Мои вооруженные товарищи собрались кучкой и поглядывали на меня. Я не смог разобрать, кто это сказал, но, похоже, Беренгер. Двое конюхов побежали обратно в загон и через какое-то время вывели запасного коня, уже оседланного и взнузданного. Они держали его, ожидая, когда я сяду. Я приблизился, понимая, что должен пройти через это испытание. Любой дурак понял бы, что они сдерживают норовистого и, пожалуй, опасного коня. Он был очень раздражен и в возбуждении упирался и выкатывал глаза, раздувал ноздри и показывал желтые зубы. Конюхи держали одну руку на узде, а второй крепко сжимали конское ухо, закручивая его, чтобы животное не противилось.

Третий конюх помог мне сесть в седло, и как только я оказался на месте, коня отпустили. Конюхи шарахнулись в сторону, и жеребец подо мной тут же начал неистово брыкаться, пытаясь меня сбросить. Я и не пытался удержаться в седле, а когда взлетел в воздух, сгруппировался и невредимый упал в мягкую грязь. Вот только не ожидал, что после этого животное бросится на меня. Пока я пытался встать, конь бегал вокруг, лягаясь задними копытами. К счастью, я стоял на четвереньках, и копыта пролетали над головой. Потом он быстро отбежал и ринулся на меня с диким ржанием, готовый растоптать. Но я уже бежал по навозу и, как испуганная белка, взобрался на деревянный забор загона.

Мои верховые товарищи широко улыбались.

– Ты ожидал этого, верно? – сказал Отон.

Он выглядел разочарованным.

Шаг, рысь, легкий галоп, полный галоп и остановка – остальное утро я провел в упражнениях на ближайшем манеже. Снова и снова королевские гости разделялись на две команды, скакали на противоположные концы поля, потом возвращались с копьями наперевес и атаковали друг друга, но в последний момент перед столкновением старший по команде издавал громкий крик, его товарищи натягивали поводья, разворачивались и скакали назад, притворяясь, что убегают и заманивают противников. Потом через некоторое время разворачивались и снова с оружием наготове встречали их. Все это касалось умения держать строй, управлять конем, скакать рядом, координировать свои маневры. Раздавались возбужденные крики и команды, конское фырканье и топот копыт. Потом, разбившись на маленькие группы, все поскакали к соломенным чучелам. Одни метали в них дротики, другие кололи пикой, после чего возвращались, чтобы перестроиться и нападать снова с мечом и секирой. Под конец все разделились на пары, на этот раз с деревянными мечами, и до изнеможения рубили друг друга, отбивая удары противника щитом.

Я не принимал участия в военных упражнениях, а только наблюдал. Озрик стоял рядом со мной.

– Он больше привык к маленьким лошадкам, – заметил раб, глядя на Огьера.

Тот скакал, откинувшись назад и выпрямив ноги, словно шел пешком. В отличие от остальных, он не пользовался стременами.

Мне было любопытно, откуда у раба такие знания, но в это время мимо галопом пронесся Хроудланд и метнул дротик. Он попал в цель, точно в центр, и во все горло издал торжествующий крик.

– А что скажешь про него? – спросил я Озрика.

Высокий племянник короля казался первоклассным наездником. Он направлял коня едва заметным натяжением поводьев, словно он и конь составляли одно целое.

– Хорош, но горяч, – ответил Озрик.

– Тогда кто же из них самый умелый? – продолжал спрашивать я.

– Вон тот, – сказал невольник, кивнув на человека, на которого я не обратил внимания прошлым вечером.

Герин был молчаливый, даже угрюмый мужчина с коротко остриженными волосами, жестким взглядом и свободными движениями. Теперь он держал простой красный щит, и я заметил его склонность держаться сзади и смотреть за маневрами товарищей.

– Ему не нужно тренироваться, – сказал Озрик, – он умелый боец.

К нам подскакал Хроудланд. У него был замечательный конь – чалый жеребец с темными пятнами на шее и крупе.

– Пора тебе почиститься, Одноглазый, – дружелюбно сказал мужчина.

Я все еще был весь в грязи после падения в загоне.

Он соскочил с коня, отдал доспехи слуге и указал на невысокое здание поодаль с красной крышей.

– Познакомлю тебя с главной слабостью моего дяди.

Мы пошли к дому, предоставив слугам догонять нас. Дождевые тучи рассеялись, и на солнце от земли поднимался пар. Хроудланд обвел рукой строительство вокруг.

– Пройдут годы, прежде чем это место удовлетворит дядю. Иногда у меня такое чувство, будто я один из зверей в его зверинце.

– Вчера виделся с королем, – сказал я. – С ним была какая-то молодая женщина. Она так на него похожа, что я принял ее за дочь.

– Наверное, это была Феодрада, Хильтруда или Герсвинда. У меня несколько двоюродных сестер. Трудно за всеми уследить.

– У нее две длинные косы.

Он скорчил гримасу.

– У всех по две косы. Сейчас такая мода.

– Кто-нибудь из них замужем?

Молодой человек насмешливо посмотрел на меня.

– Уже подумываешь о местной невесте?

– Нет. Просто любопытствую.

На лицо Хроудланда вернулась серьезность.

– Король не стремится заводить зятьев.

Мне хватило глупости спросить:

– Почему же?

– Возможные претенденты на трон. Он держит дочерей дома, рядом с собой.

– И как им это нравится?

– Они чувствуют себя так же, как и я… Заключенными. Но учти, у них есть способы компенсировать это, – двусмысленно заявил собеседник.

Мы подошли к портику с колоннами перед домом под красной черепицей. Пахло чем-то странным. Запах смутно напоминал тухлое яйцо. Вслед за Хроудландом я вошел в портик, миновал небольшой вестибюль и попал в центральное помещение. Здесь открывался столь неожиданный вид, что я замер на месте. Здание было открыто воздуху, оно было спроектировано так, чтобы вмещать в себе пространство серовато-зеленой непрозрачной воды. И тут я понял, что мне напомнил тот запашок. Это был гнилостный запах от пузырьков, поднявшихся в стоячей воде, когда из пруда вытащили тело утонувшего брата. Тот же запах пристал к покрытой тиной одежде, когда мы положили его на берег.

Мужчина озабоченно посмотрел на меня.

– Хорошо себя чувствуешь? У тебя такой вид, будто ты сейчас упадешь в обморок.

– Ничего, не упаду, – заверил я, покачав головой.

– Это термы, королевские бани, – объявил Хроудланд, – и они основная причина, почему дядя именно здесь строит дворец. – Он подошел к кромке воды и опустил руку, как

я, наконец, понял, в выложенный плиткой бассейн. – Посмотри сам, Одноглазый. Вода идет из земли уже теплая.

Я заставил себя присесть на корточки у бассейна и коснулся зловещей водной поверхности. Она была теплая, почти что горячая.

Хроудланд стал раздеваться.

– Мой дядя страдает от боли в суставах и часами сидит в этой воде. Ему становится лучше. Известно, что он даже проводил заседание Совета, сидя в воде.

Я выпрямился и попятился. Страх перед водой вернулся с прежней силой. Дурной запах только усугубил отвращение.

– Давай, Одноглазый! – подзадорил Хроудланд. – Тут не нужно уметь плавать. Здесь неглубоко.

– Извини. Не могу, – промямлил я.

Хроудланд был уже в одной нижней рубашке с открытым воротом. У него были рельефные мускулы и прямые ноги атлета.

– Чепуха. Я позабочусь, чтобы ты не утонул.

Он игриво рванулся вперед, схватил меня за пояс, словно собираясь потянуть к бассейну.

В панике я вырвался, отпрянул назад и устремился прочь, не разбирая дороги. И налетел на Беренгера, Отона и прочих, входивших в помещение. Беренгер бросил на меня странный взгляд, когда я, спотыкаясь, пронесся мимо них через вестибюль на улицу. Только здесь я остановился, переводя дыхание и не обращая внимания на запах.

Глава 6

Спустя пару часов Озрик отыскал меня среди недостроенных домов, где я смотрел, как мастер плотник соединяет стропила в косой замок. К тому времени мне удалось прийти в себя.

– Граф Хроудланд велел отвести тебя в королевские конюшни. Он поможет выбрать подходящего боевого коня, – сказал раб.

– Граф Хроудланд? – переспросил я.

– Это его титул. Он ждет, когда король назначит ему область для управления.

– Похоже, ты хорошо осведомлен.

Озрик огляделся, проверяя, что мы одни.

– Слуга одного из паладинов заинтересовался тобой. Спрашивает, не был ли ты при дворе короля Оффы.

Я ощутил укол тревоги.

– И что ты ему сказал?

– Я прямо ничего не ответил. Он сказал, что когда-то со своим хозяином, Герином, был в Англии.

Сперва показалось странным, что Герин ничего не сказал, когда накануне вечером я упомянул имя мерсийского короля. Но по размышлении вспомнил, что тот не участвовал в нашей беседе. Он, похоже, был не из тех, кто любит много рассказывать о себе. И все же я задумался, что он делал при дворе Оффы.

– Озрик, посмотри, не сможешь ли разузнать побольше. Если Герин шпион Оффы, это может повлиять на наше будущее в Ахене.

– Постараюсь. Думаю, слуга главным образом хотел похвастать, что он много где бывал.

Когда я посмотрел в худое темное лицо невольника, выражающее бдительность и осторожность, до меня дошло, как изменились наши отношения с тех пор, как Оффа отправил меня в изгнание.

– Озрик, я так должным образом и не отблагодарил тебя за то, как ты разделался с вероломными пиратами на коге, – сказал я.

– Головорезы снова продали бы меня в рабство, – тихо ответил он. – Предпочитаю служить хозяину, которого знаю.

– Я не это имел в виду. Я бы не хотел обращаться с тобой так, как раньше, будто ничего не произошло.

Он едва заметно, но красноречиво пожал плечами.

– У тебя нет выбора. Здесь, при дворе, все считают, что между хозяином и рабом должна быть дистанция. Иначе это вызвало бы подозрение.

– И все же без твоей помощи вряд ли мне удастся пережить придворные опасности, – сказал я.

Его голос сохранял ровный рассудительный тон.

– Вот поэтому нам и нужно держать дистанцию, по крайней мере, перед другими. Слуги и рабы всегда сплетничают между собой, и я принесу больше пользы, если меня будут считать таким же, как все, а я стану твоим соглядатаем.

Хоть и неохотно, мне пришлось согласиться с такими доводами.

– Что думаешь о графе Хроудланде? – спросил я.

– Обладает достоинствами и недостатками высокорожденного. Уверен в себе и решителен, но это делает его высокомерным, и он нелегко отказывается от того, что задумал.

– Следует ли ему доверять?

Озрик помолчал, обдумывая ответ.

– Думаю, да. У него есть чувство чести. И, кстати, он будет недоволен, если мы заставим его ждать.

* * *

Хроудланд встретил нас в конюшнях.

– Сожалею об утренней выходке. Я никак не мог ее остановить, – быстро проговорил он и повел меня меж двух рядов стойл, пока мы не подошли к приземистому гнедому мерину, глядевшему на нас, мирно жуя клочок сена. – Вот идеальный конь для тебя, Одноглазый. Ему восемь лет, он спокойный и уравновешенный, но у него хватит духу идти в первом ряду атакующих.

Вытянув шею, мерин понюхал меня и позволил погладить его бархатистый нос.

– Ценю твой совет. Мне только нужно научиться как следует ездить верхом, – осторожно сказал я, не понимая, почему граф проявляет обо мне такую заботу.

Мое лицо, наверное, выдало настороженность, поскольку он тихо сказал:

– И еще, касательно того, что случилось сегодня в купальне: прошу прощения, если напугал тебя.

– Не хочу об этом говорить, – холодно проговорил я, моментально ощутив неловкость от своей грубости.

Граф, явно не тот человек, который позволяет временному замешательству отвлечь себя, продолжал:

– Теперь, когда у тебя есть боевой конь, нужно обзавестись оружием. Я договорился с сенешалем, мы выберем в королевской оружейной все, что нужно. Он обещал послать сопровождающего, чтобы встретил нас там, так что пошли, пока он не передумал.

Мы направились через территорию дворца так быстро, что хромой Озрик едва поспевал за нами.

– Король очень щедр ко мне, – произнес я.

– У него обширные владения, и подданные снабжают его всем, что нужно в хозяйстве.

Мне вспомнился груз живых угрей. Их везли за сотни миль через всю страну.

– Даже мечами и доспехами?

– Прежде всего мечами и доспехами, а также солдатами, чтобы их носить, – твердо сказал Хроудланд. – Когда мой дядя идет в поход, все обязаны сделать свой вклад в его войско, граф ты, аббат или просто вольный крестьянин с домом и парой коров.

– Тут необходим серьезный организационный подход. – Я все думал, как франкам удалось покорить менее целеустремленные народы.

Граф не придавал этому значения.

– У толпы чернильных чиновников бесконечные списки всего, от кроватей и тюфяков до запасной упряжи и телег. Высшая знать обязана собирать кучи добра, будь то бочки вина или вязанки дров.

Мы вышли на дальний конец дворцовой территории. Там стояло солидное здание из тесаного камня, которое я ошибочно принял за тюрьму. Рядом нас дожидался низенький неулыбчивый человек с настороженным взглядом кладовщика и связкой ключей на большом кольце. С ним было двое помощников.

– Добрый день, мой господин, – обратился он к Хроудланду. – Как я понимаю, вы хотите взять полный набор вооружения для всадника.

– Да, именно так. Я подберу его сам, – резко ответил тот.

– Закон требует напомнить вам, что всякое выданное оружие должно остаться в королевстве. Его нельзя давать в пользование или продавать в другие страны.

– Знаю, – раздраженно сказал граф. – Это оружие для моего товарища. Я могу поручиться за него.

Кладовщик отпер массивную деревянную дверь и ввел нас внутрь, где все вооружение было аккуратно разложено по секциям. Ближе всего располагалось метательное оружие – дротики, луки, связки стрел. За ними стояли копья, тщательно рассортированные по длине и весу, для пехоты и конницы. Потом шло рубящее оружие – мечи, секиры и кинжалы. И, наконец, защитные доспехи – ряды деревянных щитов и небольшая пирамида из шлемов и брони для тела.

Хроудланд медленно прошел мимо рядов оружия. Он сразу подобрал мне копье и пару дротиков. Отвергнув секиру как ненужную, он взял простой щит с железной шишкой и сказал кладовщику, что в нем нужно заменить кожаную лямку. Тот записал у себя в табличке и пообещал, что будет исполнено. Искать подходящий панцирь пришлось дольше. Нашитые металлические пластины делали его жестким, и плохо подобранный панцирь стеснял движения надевшего. Выбор шлемов был очень ограничен – кладовщик осторожно намекнул, как они дороги, – и Хроудланд с неохотой согласился взять один. Под него пришлось надеть толстый шерстяной обшитый кожей подшлемник. Набор завершила пара перчаток. К тому времени двое помощников кладовщика были нагружены моими доспехами и оружием.

– А теперь самое важное – меч, – объявил граф.

Нас отвели в дальний угол оружейной, где стояли десятки мечей. Осмотрев их критическим взором, Хроудланд спросил:

– Это все, что у вас есть?

– Каждый из них искуснейшей работы, – чопорно ответил кладовщик.

Мужчина взял со стойки один.

– Старье! – заявил он, взвесив на руке, и протянул мне. – Смотри, Одноглазый, лезвия клинка идут параллельно почти до самого острия. От этого меч тяжелый и неудобный.

Кладовщик возмутился:

– И тем не менее, прекрасное оружие.

– Но для моего друга не подойдет, – отрезал граф, ставя меч на место. – Я слышал, у вас есть один из этих новых, из кузницы Ингелри.

Кладовщик отчетливо вздохнул и сказал:

– Ненастоящий Ингелри.

– Уж это я решу сам, – ответил граф.

Кладовщик неохотно подошел к большому деревянному сундуку, отпер и вынул что-то длинное, завернутое в материю. Я ощутил запах масла.

– Вот. – Он протянул предмет Хроудланду.

Граф развернул промасленную тряпку и вынул меч, его клинок был длиной с мою руку. Я был разочарован. Глядя на поведение кладовщика, я ожидал чего-то особенного, какой-нибудь сверкающий клинок с инкрустированной драгоценными камнями рукоятью, а увидел обыкновенное оружие, и рукоять у него была просто железная. Единственным украшением был маленький пустяковый кристалл на крестовине.

Хроудланд взмахнул мечом в воздухе, проверяя центровку, потом внимательнее осмотрел клинок.

– Ты прав, – сказал он, – это не настоящий меч Ингелри. Он бы поставил на нем свое клеймо.

Кладовщик самодовольно улыбнулся.

– Я же говорил. Мы получили это оружие в качестве десятины из одного бургундского монастыря. Неизвестно, кто его выковал.

Граф еще раз взмахнул клинком и проговорил:

– Не Ингелри. Но так же хорош. Мы берем его.

– Не имею полномочий отдавать его за пределы оружейной, – возразил кладовщик.

– Ты хочешь, чтобы я поставил этот вопрос перед моим дядей?

– В этом нет необходимости.

Кладовщика явно не обрадовала такая перспектива.

Хроудланд вложил рукоять мне в руку.

– Ну, Одноглазый, как он тебе?

Я осторожно взмахнул им. Меч был замечательно легок и хорошо сбалансирован.

– Заметь разницу в клинке, – сказал граф. – Он постепенно сужается к острию, что делает меч продолжением руки. И качество стали исключительное. – Мужчина заглянул в сундук. – Я вижу здесь также ножны и перевязь к нему.

Признав свое поражение, кладовщик кивнул одному из помощников, и принадлежности были добавлены к нашему набору.

Когда мы шли через оружейную обратно, Хроудланд был очень доволен собой.

– Пообещай мне вот что, Одноглазый. Этот меч уникален. Ты должен дать ему имя.

– Имя?

Он рассмеялся.

– Каждый действительно хороший меч имеет собственное имя. Мой зовут – Дюрандаль, что значит «выносливый». Его подарил мне сам король, это большая честь. У него точно такой же – Жойоз, то есть «радостный».

Я сомневался, что когда-нибудь стану воином, достойным носить такой знаменитый меч, и чуть не сказал, что «Радостный» – странное имя для смертоносного оружия, но меня отвлек зов Озрика:

– Хозяин, это нам пригодится.

Раб свернул к стеллажу с луками и что-то вытаскивал, чтобы показать. Это был лук, но не такой, как остальные. Другие были длиной в рост человека, совсем прямые или слегка изогнутые, а Озрик выбрал, по меньшей мере, на треть короче обычного, с дугой, имевшей странный двойной изгиб. Он поднял его, чтобы показать мне.

Вмешательство Озрика вызвало раздражение у Хроудланда.

– Лук – оружие пехотинца. А твой хозяин идет в бой верхом, – сурово проговорил он.

Озрик не слушал его, и, не дав графу сказать что-то еще, я быстро спросил кладовщика:

– Можно взять и этот лук?

Тот перевел взгляд с меня на Хроудланда и обратно, очевидно, радуясь разладу между посетителями.

– Конечно. Луки дешевые, а этот вообще ничего не стоит.

– А также колчан с крышкой и пару дюжин стрел, – не отставал Озрик.

Бросив на него недовольный взгляд, кладовщик кивнул. Невольник стал перебирать связки стрел, выбирая подходящие.

Кладовщик занес все это в свой список на восковой табличке, закрыл крышку и проводил нас на улицу. Ему явно не терпелось увидеть, как мы уходим.

Пока мы с Хроудландом выходили из оружейной, раб договорился с двумя помощниками кладовщика, чтобы мое новое снаряжение доставили к нему для чистки и хранения, но граф настоял, чтобы меч я носил при себе.

– Твой раб и этот лук слишком изогнуты и скособочены, чтобы от них было много пользы, – не очень любезно заметил он, когда мы направились в свой барак.

Меня обидела злоба в его замечании.

– Озрик, может быть, и калека, но знает, что делает. Он уже однажды спас мне жизнь.

Хроудланд виновато улыбнулся.

– Извини, Одноглазый. Не хотел обидеть. Если лук убережет тебя от опасности, ради бога, пусть раб возьмет его.

Его слова снова заставили меня задуматься, какую опасность он имеет в виду.

Глава 7

Лето прошло, страшная буря и наводнение забылись, и я привык к повседневной рутине среди новых товарищей. Я обнаружил, что гнедой мерин больше моего понимает в конных маневрах, и едва касался поводьев в разыгрываемых атаках и отступлениях. Это позволяло мне сосредоточиться на обращении с копьем, дротиком и щитом. Но я по-прежнему выглядел неуклюжим в сравнении с остальными, хотя преуспел в поединках на тупом оружии до такой степени, что мог противостоять Отону и Беренгеру, самым слабым бойцам в нашей компании. Однако до таких мастеров, как Герин или Хроудланд, мне было далеко, несмотря на то, что последний показал, как оберегать мою левую сторону, где наглазник оставлял меня уязвимым.

Во время тренировок я постоянно думал о том, что король Оффа может когда-нибудь решить, что будет лучше, если я умру. На учебном поле порой случались смертные случаи, и если уж меня станут считать агентом мерсийского короля, то вряд ли будут бить тупым мечом или имитировать удар копьем. Потом, отдыхая в доме для королевских гостей, я развил в себе привычку следить за товарищами и прикидывать, насколько можно положиться на них, так как прекрасно сознавал, что опоздал вступить в их братство.

С Беренгером, всегда приветливым и открытым, было легко ладить. Меня привлекало его чувство юмора. Часто я первым смеялся его шуткам, и он обнимал меня за плечи, заявляя, что я, наверное, его давно утраченный брат. Понять Герарда Русильонского, человека много старше, было труднее, и все же за его сдержанностью крылись доброе сердце и терпимость, порожденная долгим опытом. Многие вечера я проводил в тихих беседах с ним, больше узнавая о франкском мире, а он ценил мою почтительность. Но больше всего подружился я с Хроудландом, несмотря на разницу в нашем происхождении. Граф был великодушен и импульсивен. Однажды за свой счет он прислал собственного портного снять с меня мерку и сшить мне новый модный гардероб. Или был случай, когда он настоял, чтобы я сопроводил его на встречу с высокими сановниками, сказав, что это лучший способ увидеть, как устроен королевский двор. В те вечера, когда паладины оставались дома, обсуждая что-то и споря меж собой, он часто спрашивал мое мнение, словно я был его советник или наперсник. В конце концов я улучил момент, когда никто не слышал, и спросил его, почему он так внимателен ко мне, и он ответил:

– Когда-нибудь дядя даст мне провинцию, чтобы я правил там от его имени. Когда такой день настанет, мне понадобится взять с собой толкового человека.

– Но у тебя много других товарищей, способных дать хороший совет. Например, Беренгер. Ты знаешь его намного дольше, чем меня.

Он бросил на меня один из своих аристократических взглядов, отчасти насмешливый, отчасти снисходительный.

– Помню вечер, когда ты впервые появился среди паладинов, и они задавали загадки. Тогда я заметил, что ты быстро соображаешь и в то же время сохраняешь спокойствие. Такое сочетание мне кажется весьма ценным.

– Надеюсь, не разочарую тебя, – ответил я.

Мне польстило, что граф выбрал меня своим особым другом после короткого знакомства, и я уже знал, в чем могу оказаться ему полезным.

Хроудланд был своеволен и несдержан. Время от времени он обижал таких, как Энгелер. Их бесило его высокое родство, и они завидовали его красоте и одаренности. В будущем я мог бы взять на себя улаживание ссор, которые вечно затевал граф.

* * *

Через несколько дней после того, как Хроудланд взял меня с собой в королевскую оружейную подобрать оружие и доспехи, Озрик назначил мне встречу в леске близ королевского заказника. Это было тихое место, вдали от любопытных глаз, и с собой он принес длинный тонкий предмет, завернутый в мешковину. Я догадался, что это странно изогнутый лук, найденный им в оружейной.

– Мне удалось привести его в работоспособное состояние, – сказал Озрик, разворачивая мешковину.

Лук был чуть больше четырех футов длиной, и мне показалось, его конструкция была выполнена задом наперед. Место для руки в середине располагалось там, где положено, но дуга изгибалась не в ту сторону, от лучника.

Увидев мое замешательство, Озрик вытащил из-за пазухи веревку.

– Графу Хроудланду не понравилось бы, если бы он узнал, что на эту тетиву пошли нитки из одной из его лучших рубашек. Я сделал ее из шелка.

Раб накинул тетиву на лук и с силой надавил на него ногой. Лук согнулся, и Озрик укрепил тетиву.

– Долгое вымачивание в теплом масле оживило его, – пробормотал он, ласково проводя пальцем по лоснящейся поверхности оружия, и протянул мне. – Попробуй.

Я крепко сжал лук левой рукой и натянул тетиву. Мне удалось согнуть его лишь чуть-чуть. Озрик подал принесенную с собой стрелу с железным наконечником.

– Посмотрим, как далеко он бьет.

Я гордился своим мастерством в стрельбе из лука. Дома на охоте я часто пользовался обычным длинным луком и был метче всех среди домочадцев. Теперь я вложил стрелу на тетиву, натянул ее, насколько мог, прицелился в ствол дерева и выстрелил.

Стрела поразила цель, пробив кору и войдя глубоко в древесину.

– Почему ты не сделал мне такой лук в детстве? – удивленно спросил я Озрика.

Я не ожидал, что стрела полетит так точно и с такой силой.

– Потому что не умею делать луки, – ответил он. – Присмотрись. Он состоит из пяти разных частей: живота, двух рук и двух оконечностей, которые называются *сиях*.

Я посмотрел на оружие у себя в руке и разглядел сложную конструкцию, и как части из разного материала плотно склеены вместе.

– Деревянные части похожи на те, что и в наших луках, – заметил я. – Сердцевина для передней части, заболонь для задней.

Раб едва заметно улыбнулся с легким самодовольством.

– Этот сделан из дерева, рога и сухожилий. Каждый элемент собран в нужное время года, отобран и подготовлен, тщательно подогнан. На изготовление ушло не меньше двух лет.

– Почему же он пылился в королевской оружейной палате?

– Военная добыча? – предположил Озрик, пожимая плечами. – Или забытый подарок королю Карлу, которым никто не знал, как пользоваться?

Меня это заинтриговало.

– На какое расстояние он может бить, не теряя точности?

– Умелый лучник должен с семидесяти шагов поражать цель диаметром в три пяди, – он намеренно сделал паузу, – на полном скаку.

Я подумал, что ослышался. По словам Хроудланда, луком пользовались только пешие.

– Хочешь сказать, скача верхом?

Озрик заметил недоверие.

– Я научу тебя стрельбе. Или пешим, или верхом.

Я моментально понял свои перспективы. Это был шанс превзойти паладинов в военных играх. Удивить и потрясти моих товарищей.

– А против противника в доспехе? – спросил я.

– С правильным наконечником дальность поражения тоже семьдесят шагов.

Это решало проблему. Брошенный дротик может поразить противника с двадцати шагов, а я продемонстрирую, как мои стрелы могут сбить всадника с троекратного расстояния.

– Тогда научи меня, – сказал я невольнику.

– Придется набраться терпения. – Он грустно улыбнулся. – И наглазник тебе поможет. Целятся только правым глазом.

Так я пошел к Озрику в ученики. Пока мои более энергичные товарищи боролись, поднимали тяжести, соревновались в беге в полном вооружении или в плавании, я тайком тренировался в стрельбе из лука. Раб показал правильное положение тела во время натягивания лука, научил, как управлять дыханием, как учитывать ветер, когда отпускать тетиву. Показал упражнения для укрепления мышц спины и рук и настаивал на том, что нужно много часов тренироваться в стрельбе в цель. Мне нравилось все это, и он совсем не лгал, когда говорил, что я прирожденный лучник. К тому времени, когда стала опадать листва, я уже был близок к ожидаемому уровню – с семидесяти шагов посылал стрелу за стрелой в цель шириной с человеческий торс. Но по-прежнему стрелял пешим. Невольник сказал, что стрельбой из седла мы займемся позже.

* * *

Король Карл потребовал, чтобы раз в неделю все паладины получали официальный урок по выбранной теме. Как нерадивые школьники, мы собирались у входа в портик перед королевской канцелярией. Она временно расположилась в пристройке к недостроенной церкви, и через открытую дверь мы могли видеть серьезных монахов и писцов. Некоторые сидели за письменными столами, склонив голову над документами, другие стояли небольшими группками, совещаясь, а секретарь стилусом что-то записывал на восковой табличке. Мимо проталкивались носильщики и посыльные, всем видом давая понять, что мы мешаем крайне важной для королевства работе.

Однажды к нам вышел сам Алкуин и сказал, что сегодняшним предметом будет география.

Беренгер рядом со мной пробормотал:

– Слава богу! А я испугался, что теология.

Священник сделал вид, что не слышал.

– Я задержу вас всего на несколько минут, но этого будет достаточно для демонстрации того, что география используется как на войне, так и в мирное время, – холодно проговорил он.

Ничем не выдав, что уже знает меня, он провел нас в канцелярию и подвел прямо к установленному на козлах широкому столу, покрытому светло-коричневыми плитками из обожженной глины, выложенными, как квадратики на игровой доске.

На них были нацарапаны названия городов, рек, провинций. Я смотрел на огромную карту королевства франков и прилегающих земель, и это была переносная карта, которую можно разбирать и собирать заново на новом месте.

– Мы пользуемся ею для планирования как в военных, так и мирных целях, – говорил Алкуин. Он обошел стол и встал на дальней стороне. – Вот, например, Константинополь, столица восточного императора. А здесь, – он махнул рукой, – северное море.

Я вспомнил, что видел макет дворца в королевских покоях. Там не было никаких документов или письменных принадлежностей, и до меня дошло, что Карл не умеет читать и писать и что эта карта на плитках служит как ему, так и служащим канцелярии.

Алкуин достал из маленького деревянного ящичка множество фигурок, миниатюрных человечков, коней и волов.

– Что за детские игрушки? – грубо заметил Ансеис.

Священник остался невозмутим.

– Ты играешь в тафл?[4] – спросил он.

– Конечно.

– В этой игре ты рассчитываешь, какие клетки твоего противника уязвимы, а какие представляют угрозу?

– Естественно.

– Тогда взгляни подобным образом и на эту карту. Она скажет тебе, кто живет за твоими непосредственными соседями и с кем лучше заключать союзы.

[4] Тафл – настольная игра, завезенная в Европу викингами. Точные правила до нас не дошли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.